

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

В семье
не без убийцы

Дарья Александровна Калинина

В семье не без убийцы

Серия «Детектив-приключение Дарьи Калининой»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18111533

В семье не без убийцы / Дарья Калинина: Издательство «Э»; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-86510-9

Аннотация

Роман мечтал о свободе. Его жизнь была похожа на страшную сказку. Красавица невеста после свадьбы превратилась в ужасную ведьму. И теперь Наташа бесконечно пилила его, изводила упреками, контролировала каждый шаг, а ее многочисленная родня во главе с чокнутым братцем и помыслить Роману не давала, что можно развестись. Романа настолько измучила семейная жизнь, что он почти возненавидел даже родного сына, которого жена невозможно баловала, и мальчишка ни во что не ставил отца. Мужчине оставалось только мечтать, а что если бы их не было: ни жены Наташи, ни сына Михасика? И вот его мечта сбылась: Михасика похитили, а Наташу убили. Только желанной свободы Роман не обрел, наоборот, во всех злодеяниях обвинили его и посадили за решетку...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	61
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дарья Калинина

В семье не без убийцы

© Калинина Д.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Он убил человека! Какой кошмар! И это сделал он! Вот этими самыми руками!

Роман поднял ладони к лицу, руки были перепачканы в крови, в свежей чужой крови. Он смотрел на свои руки и не верил в то, что только что совершил. Как он – интеллигентный человек с двумя высшими образованиями, второй институт тоже почти закончен, мог убить человека? Убить женщину!

Вдобавок и кровь на руках была какая-то странная. Чересчур густая и стекала с пальцев тяжелыми тягучими каплями, словно не кровь вовсе, а варенье. К тому же кровь убитой женщины еще и пахла непонятно. Почему-то она пахла малиной! Романа от этого запаха передернуло. Раньше он обожал эту ягоду, но сейчас его замутило даже от запаха.

Роман посмотрел на тело своей жертвы, беспомощно раскинувшееся перед ним, затем какое-то время смотрел на свои руки, не понимая, как он мог это сделать, а потом... упал на пол и от удара неожиданно проснулся!

– Уф!

Сидя на полу, Рома вытер выступивший на лбу пот. И прикинется же такое! С кровати он и впрямь свалился, и это была не единственная связь с действительностью, которая пронизывала весь его сон. Увы, убитая во сне женщина была

хорошо знакома Роману в реальности. И отчаяние, которое уже давно стало его постоянным спутником, лишь временами слегка отступая, сейчас накрыло его с головой. Мало того что она ему и днем покоя не дает, так теперь еще и во сне являться вздумала. Ни днем, ни ночью теперь от нее не скрыться. Это же ад! И выхода из этого ада не предвидится.

Он опасливо покосился на посапывающую на своей половине кровати женщину. Она спала спокойно, даже и не подозревала о его мятежных мыслях. Внезапно женщина во сне сморщила свой хорошенький изящный носик и на Романа нахлынули совсем другие чувства. Неожиданно вспомнились те дни, когда он готов был совершить немыслимые подвиги, лишь бы заставить этот носик наморщиться. Наташа всегда морщила нос, когда улыбалась ему или кому-то другому.

Да, во сне Роман видел и убивал именно Наташу. Там, в мире сновидений, вместе с ним была его дорогая и любимая лапушка Наташенька, являвшаяся его законной супругой вот уже три года, которые показались самому Роману тридцатью. Он словно прожил все эти тридцать лет, денечек в денечек.

Когда он встречал старых знакомых, которые давно его не видели, они удивлялись, как сильно он постарел и изменился за последние три года. И сам Роман хорошо знал причину этих перемен в себе. Вот она, главная причина, посапывает рядом с ним, голова удобно устроилась на подушке с наво-

лочкой в мелкую розочку. Суший ангел, если посмотреть. А между тем за то время, что они женаты, этот ангел выпил из Романа столько крови, что, наверное, запасов плазмы из нее хватило бы на обеспечение деятельности целой небольшой сельской больницы.

Пока Роман смотрел на свою жену, из соседней комнаты раздался тонкий писк. Роман вздрогнул. Это проснулась вторая причина, заставившая его рано постареть.

– Рома, посмотри, что с Михасиком. Что нужно ребенку?

Роман поднялся с пола и поплелся в детскую, утешая себя при этом, что хотя бы повезло уже проснуться и не пришлось спросонок продирать глаза, а потом тащиться, пошатываясь, к Михасику. Жена, она ведь такая, нипочем не отстанет, пока своего не добьется. И не важно, что сама не спит и могла бы двадцать раз подойти к сыну, которого, наверное, учуяла бы даже из комы. Роман знал, что Наташа сейчас чутко прислушивается к каждому его шагу и ко всему, что там происходит в детской.

Она бы с огромным удовольствием сама подскочила к Михасику и удерживает себя на месте лишь громадным напряжением воли. И все для того, чтобы заставить Романа наконец-то стать образцовым отцом или приблизить его к этой цели хотя бы на пару шагов.

Увы, пока что в этом Наташе не удалось преуспеть. Роман упорно не желал становиться идеальным папашей. То есть все вокруг его таковым считали, но жене всегда и всего было

мало. Она твердила, что Роман мало времени уделяет сыну, сил на его воспитание не тратит, и внимания малютке не уделяет, и мальчик при живом отце растет словно сирота. Это было ее любимое выражение, и иногда Роман размышлял, что лучше бы уж Михасик и впрямь оказался сиротой, тогда, наверное, нашелся бы какой-нибудь мужчина, из которого в конце концов в руках опытной Наташи вышел бы идеальный отец. Наташка любого бы заставила, даже странно, как это у нее с ним не получилось.

Михасик стоял в своей кроватке. По правде говоря, кроватка была ему уже маловата, но покидать ее ребенок упорно не желал и устраивал дикие истерики всякий раз, когда заходил разговор о том, что ее пора выкинуть. Даже приобретение новой кровати, нарядной, в форме гоночного автомобиля, не заставило Михасика отказаться от своих жизненных принципов. Раз он так сказал, значит, так и должно быть!

Малыш с завистью и даже какой-то злобой поглядывал в сторону новой кровати, но спать ложился неизменно в свою собственную старую. Делал он это, как подозревал Роман, исключительно из желания настоять на своем. Такое недетское упрямство в маленьком ребенке пугало Романа иногда не на шутку. Что вырастет из мальчика? – думал он иногда. И особенно, что вырастет из такого ребенка, если ему во всех капризах неизменно потакать?

Увидев отца, Михасик произнес одно лишь слово:
– Пить!

Поильник в форме жирафика стоял рядом с кроватью на тумбочке. Стоило мальчику протянуть ручку, и он мог бы достать оставленный ему сок, самостоятельно напиться и лечь снова спать, никого не тревожа. Но он предпочел позвать родителей, а потом дожидаться, когда отец подаст ему жирафика. В этом тоже было что-то неправильное, и Роман неоднократно говорил жене, что они слишком балуют сына, но Наташка лишь восхищалась особенностью маленького Михасика настаивать на своем.

– Настоящий королевич растет! И есть в кого!

Ни с отцовской, ни с материнской стороны Роман королевских корней у себя в роду не наблюдал. Полковник белой армии, погибший в Гражданскую, да, был, какой-то прадед. Но и он был выходцем из казачьего рода и до чина полковника дослужился исключительно благодаря собственной доблести и усердию. Наташка, насколько Роман знал, тоже происхождения была исключительно рабоче-крестьянского. Откуда же королевичам среди них взяться? Но когда он задавал жене этот вопрос, она лишь снова морщила свой нос, но не насмешливо, а уже презрительно и как-то даже немного печально. В такие минуты Роман уже не знал, что он чувствует к жене. То ли ненависть, то ли жалость, то ли что-то еще, что и заставило его когда-то вообще связаться с ней.

Михасик выпил несколько глотков сока, но не поставил жирафика на тумбочку, а требовательно произнес:

– Все!

Теперь Роману требовалось проявить быстроту и ловкость, если он хотел поймать поильник. Михасик наблюдал за ним с каким-то сдержанным удовольствием. А когда отец успел поймать жирафика уже у самого пола, Михасик будто разочарованно вздохнул, и тоненькие его бровки сошлись над переносицей. Ему нравилось манипулировать людьми и наблюдать за их трепыханиями.

При этом мальчик был не глуп. В отличие от других малышей, которые шалили просто потехи ради, Михасик никогда и ничего не делал просто так. Все его поступки были продиктованы одним желанием – понять, как тот или иной человек поведет себя в данной ситуации. Он был исследователем человеческих душ. Роман был уверен в том, что и сегодня ночью сын специально затеял это развлечение с питьем. Стоило посмотреть на его недовольную физиономию, когда жирафик все-таки не упал на ковер и Роману не пришлось идти на кухню, мыть и стерилизовать там соску, а на всякий случай и саму бутылочку.

Но Михасик расстраивался недолго. Он открыл ротик и издал громкий тревожный клич. Так он звал маму. Наташа немедленно появилась в дверях детской. Как ни крепилась она, а жалобный зов Михасика не могла пропустить.

– Что ты опять сделал не так? – крикнула она на Романа, еще не разобравшись в том, что произошло.

Роман отступил в сторону. Бесполезно было говорить Наташе, что он ничего плохого не делал. Переспорить Михаси-

ка, который еще толком и говорить-то не умел, Роман при всем своем красноречии не мог. И иногда с ужасом думал, что же будет потом, когда сын заговорит, так сказать, на всю катушку?

– Что с тобой, птенчик? – ворковала Наташа над ребенком. – Головка вроде бы горячая. Неужели заболел? Что он у тебя просил?

– Пить.

– Ну так и есть, заболел! Ты его напоил?

– Да. И ничего он не больной. И пить не хочет. Глоток всего сделал и тут же на пол бутылочку кинул.

Михасик снова издал жалобный писк, и Наташа завохтала над ним еще громче:

– Что ты хочешь, моя крошечка?

– Ололатку.

– Шоколадку! Рома, ты слышал! Быстро принеси его шоколадку! Только не перепутай. Мишин любимый возьми, молочный, а не свой черный! А то опять притащишь, да не то.

На робкие возражения мужа, что два часа ночи – это не лучшее время для того, чтобы кормить ребенка шоколадом, Наташа ответила таким взглядом, что он тут же отправился на кухню к холодильнику. Протянув руку к голубенькой пачке, он уже в воздухе задержал ее и потянулся к черной плитке. На этикетке был изображен брутального вида господин, подразумевалось, что только такие мужчины и едят этот шоколад. Роман не удержался, отломил кусочек любимого

горького шоколада, положил в рот и задумчиво разжевал. За этим занятием его и застала Наташа.

Роман был уверен, что едва только он зашагал на кухню, как жена крадучись проследовала за ним, чтобы выскочить и уличить его в наплевательском отношении к своим родительским обязанностям.

– Так я и знала! Стоишь тут, пока больной ребенок мучается! Дай мне Мишину шоколадку! Быстрее!

Даже сейчас Наташа не могла не покомандовать, хотя за стеной ее ждал бедный больной малыш, который немедленно нуждался в спасительном лакомстве. Роману стало так тошно, что даже шоколад есть расхотелось.

Он убрал плитку на место, закрыл дверцу холодильника и вздрогнул. Оказывается, Наташа никуда не ушла, она стояла тут же и сверлила его злым взглядом.

– И не думай, будто бы мне неизвестно, что ты издевался над ребенком и не давал ему попить. Я только что протянула Михасику бутылочку, он так к ней припал, словно не пил три дня. До дна осушил!

И, вперив в Романа совсем уж ненавидящий взгляд, она припечатала:

– Сволочь! Чтоб, когда ты подышал, над тобой тоже так кто-нибудь подшутил!

И ушла в полной уверенности, что поступила правильно. Наказала злого отца и заступилась за беззащитную крошку. А ведь если вдуматься, все было совсем наоборот. Михасик

просто изобразил жадность перед матерью, то ли в стремлении заслужить еще и шоколад, но скорей всего чтобы вновь поспорить родителей. И Роман снова удивился, откуда у маленького ребенка могло взяться столько недетской изобретательности и прямо-таки садизма, чтобы издеваться над отцом.

Впрочем, Михасик не всегда вел себя с папой подобным образом. Поступал он так лишь в тех случаях, когда Наташа была поблизости и могла прийти сыну на помощь. Если же Роман с ним были наедине, Михасик вел себя примерно. Просто идеальный ребенок. Послушный и ласковый. Роману даже иногда казалось, что сын его побаивается, потому и стремится всячески компенсировать это чувство, помыкая отцом в присутствии и при поддержке своей матери.

И это его огорчало. Свою слабость бояться продемонстрировать только люди жестокие. И он видел, что сын может вырасти таким.

Но когда Роман рассказывал кому-либо о проделках Михасика, то люди лишь улыбались в ответ:

– Да что вы придумываете! Обычный ребенок. Сколько ему?

– Скоро будет три.

– Вот видите. Все дети в его возрасте капризничают. Озорники и проказники, вот кто они такие.

Но Роман-то знал, что так, да не так. Другие дети делают пакости неосознанно, просто не понимая, что доставляют

своим поведением проблемы окружающим, а Михасик все понимал, но все равно делал.

И иногда Роман задумывался, возможно ли, чтобы этот жестокий и злой ребенок был его сыном. Но, с другой стороны, он ведь был еще и сыном Наташи. А у нее, Роман это чувствовал, такой ребенок родиться вполне мог.

Возвращаться в спальню не хотелось. К тому же для этого надо было пройти мимо детской, где его подкарауливают два монстра. Ну что же, раз уж он встал, то можно сходить в туалет – единственное безопасное место во всем доме, где его никто не сможет достать.

Но едва он устроился поудобнее на унитазе, как на всю квартиру раздалось:

– Рома, Рома!

Голос Наташи звучал надрывно. В детской явно случилось что-то страшное. Но когда Роман прибежал, оказалось, что Наташа просто потеряла крышечку от жирафика и хотела, чтобы муж ее нашел.

Да, именно эту женщину во сне и душил Роман. И, честно говоря, этот его недавний сон был лишь отражением дневного кошмара, длящегося уже на протяжении почти трех лет. И сны, в которых он убивал Наташу, снились Роману уже не первый раз. Сейчас, глядя на жену, Роман невольно вспоминал то сладостное чувство освобождения, когда во сне понимал, что хотя он и стал убийцей, отныне мучить его больше некому.

Как же он тогда ее прикончил? Ах да, когда он понял, что горло у Наташи во сне слишком жилистое и задушить не получается, то схватил дрель и проделал в голове у своей жены несколько аккуратных отверстий.

И это тоже было не случайно. Дрель была первым подарком, который сделала ему Наташа. И если бы сейчас Роман мог перенестись в то мгновение, когда открыл подарок, то он бы здорово призадумался, принимать ли его. Потому что оказалось, что дрель – это был символ его нового статуса. И, вручив ему ее, Наташка также вручила мужу заботу обо всем, чем заниматься лично ей было неприятно и чем отныне предстояло заниматься только Роману.

И таких вещей оказалось неожиданно много, очень много. И еще Наташа очень трепетно следила, чтобы у него не возникало перерывов в работе. Когда Роман был дома, он все время работал. И на работе он тоже работал. То короткое время, когда он мог отдохнуть, была дорога на работу и с работы. Так что неудивительно, что в дороге он проводил все больше и больше времени. Нигде больше он просто не мог расслабиться.

Друзья были под запретом. Баня и спортзал тоже. Даже магазины ему разрешалось посещать лишь в сопровождении Наташи. Если же Роман куда-то уходил, а она была вынуждена оставаться дома, то звонила ему каждые пять минут, и Роман был уверен, что жена ждет его возвращения с секундомером в руке. Находясь дома, Роман никогда не был

предоставлен самому себе. У Наташи была фантастическая способность доставать его всюду и находить его как раз в тот момент, когда ему больше всего хотелось просто посидеть или даже подремать. Не проходило и нескольких минут, как он уже слышал у себя над ухом:

– Милый! Ты тут?

У Наташи была забавная особенность речи, она не умела смягчать букву «л». А уж в слове «милый» и вовсе произносила ее так твердо, что у Романа при звуках ее голоса всегда возникала мысль о расстреле, если он не выполнит очередного доверенного ему поручения.

Роман пробовал прятаться на работе, но и там его доставала вездесущая Наташа.

– Милый! – раздавался в трубке ее требовательный голосок.

Голосок, от которого сердце Романа раньше трепетало и таяло, со временем трепет остался, а вот с таянием возникли какие-то недоразумения. Теперь от голоса жены его кидало в холодный пот, и у него начинали дрожать пальцы. К тому же Наташа как-то так умела, не повышая голоса, настолько испортить ему настроение, что иногда Роману даже казалось, что все ее существование заключается исключительно в том, чтобы почаще его мучить, не давая ему просто жить и радоваться этой жизни.

Но для всех окружающих у них была совершенно идеальная семья. Наташа всю себя посвящала заботе о Михасике,

доме, быте и семье. Ничего на сторону, все в дом. Ремонт обязательно с использованием импортных материалов. Новая мебель, только итальянская. Дорогая «бошевская» техника. Никакие санкции Наташи не были помехой. А стремление поднять отечественного производителя отсутствовало начисто.

– Да у вас дома теперь просто рай, что ты вечно словно в воду опущенный ходишь? Радуйся, – удивлялись ему.

Но Роман не мог радоваться, его тяготил вопрос: если бы весь этот быт не оплачивался целиком и полностью из его кармана, как долго бы его стали терпеть в этом раю? И поневоле возникало ощущение, что недолго. Хотя с этим обстоятельством Роман мог бы еще как-то смириться, но вот постоянный долбеж мозга сломил бы и куда более выдержанного человека.

И как долго Роман еще сможет выдерживать такое отношение, большой вопрос. Потому что если в начале их семейной жизни Роман еще на что-то надеялся, то теперь, к исходу третьего года совместной жизни, ему уже казалось, что спасения никакого нет и быть не может. Только и остается – тащить на своих плечах и эту невыносимую женщину, и этого гадкого ребенка, а возможно, и еще одного или даже двух, потому что Наташа всегда и для всех с важным видом сообщала, что детей в семье должно быть трое, и никак не меньше. Один для папы, один для мамы и один на всякий случай. И хотя после рождения Михасика жена уже реже выдвигала

этот тезис, у Романа он засел где-то в подкорке и временами очень его тревожил. Он и одного-то Михасика еле выдерживает, а если тут появится две или даже три таких вот уменьшенных копии сыночка, от самого Романа точно ничего не останется.

Но и сейчас было ничем не лучше. И все чаще Романа стали одолевать мысли, что спасение утопающих – это дело рук самих утопающих. Тем более что он видел – помощи ждать неоткуда. Роман прекрасно понимал: если он захочет просто так, без видимых причин, бросить жену с ребенком, его осудят все, включая его собственных родителей. Только сестра, вероятно, поймет. А реакцию Наташиной семьи и представить страшно.

А семья эта, надо сказать, весьма многочисленна, и даже за три года своего супружества Роман не успел познакомиться со всеми родственниками. Начать с мамыши, носившей гренадерские усы и неизменно приветствовавшей его таким громогласным «Зятек!», что от страха писались дети и маленькие собачки.

Ручищи у тещи были мощные, словно у ударника-комбайнера. Но еще больше были лапы у Наташкиного брата. Он обожал обниматься, из его объятий Роман выходил с неизменно помятыми ребрами. Прочая родня также отличалась завидной комплекцией и крепким здоровьем. И было их много, очень много. С полсотни человек Роман уже видел, но имелись еще какие-то дяди и тети за Уралом, на Кавказе

в регионе Минеральных Вод, в Сиднее и даже в Калифорнии проживала то ли двоюродная сестра дяди, то ли племянница отчима кузины.

И в этой многочисленности была для Романа еще одна причина не искать повод для развода с Наташей. Где бы ни проживали Кузькины, они держались друг друга и по первому требованию могли прийти на помощь обиженному родственнику. Так что Роман даже не сомневался – вздумай он оставить Наташу, ему бы пришлось по очереди пообщаться со всеми знакомыми родственниками и познакомиться со всеми теми, с кем ему еще знакомиться не доводилось. И таких разговоров Роман побаивался, потому что успел понять: свое умение выносить мозг Наташа получила не откуда-то со стороны, она унаследовала его от своей мамочки. Можно сказать, это свойство у Кузькиных было врожденным признаком. И уникальной Наташа казалась лишь в отрыве от своей семьи, а в кругу родных совершенно терялась на общем фоне, что делало ее не менее опасной, а просто менее заметной.

Так что сон, который увидел Роман, был вполне закономерен, если вспомнить, что в последнее время у Наташи обострилось еще и такое качество, как ревниучесть. Иначе назвать ее состояние было невозможно, потому что на ревность эта оголтелая истерическая и припадочная паранойя совсем не походила. Это была именно ревниучесть – тупая, бессмысленная, выматывающая силы, нервы и отнимающая драго-

ценные часы, которые могли бы быть спокойными и счастливыми, но становились невыносимыми.

И Роман уже не раз и не два задумывался, а стоит ли так страдать и быть хронически несчастным человеком или все-таки нужно собрать волю в кулак и сказать «нет» своей неудавшейся семейной жизни? Он был готов даже оставить Наташе квартиру и машину. Какая прекрасная и освежающая душу мысль! Вот выплатит кредиты за квартиру и машину и уйдет от жены! Тем более что за машину осталось платить совсем чуть-чуть, за квартиру, конечно, подольше, но он справится. Если впереди у него будет просвет, то он выдержит еще и год, и два. Ради такой цели все выдержит! Роман также был готов взять сверхурочную работу, чтобы платить Наташе приличные алименты. Все, что угодно, лишь бы существовать отдельно от нее. И в душе он тихо надеялся, что когда он выплатит долги, то сможет улизнуть.

Уложив Михасика спать, Наташа решила поговорить с мужем.

– Мальчику уже два с половиной. Пора определять его в детсад. Другие дети уже всю ходят.

Роман удивился. До сих пор Наташа воспринимала всякое упоминание о детских дошкольных учреждениях исключительно в штыки. Новость его заинтересовала настолько, что он даже перестал притворяться спящим и, потеряв всякую бдительность, взглянул на жену.

– Продолжай.

– Ты же знаешь, он у нас очень резвый мальчик. Иногда мне бывает трудно за ним уследить.

Это было едва ли не самое критическое замечание, которое он слышал от Наташи в адрес их сына. А Наташа уже развивала свою мысль дальше. Оказывается, обычный садик для такого уникального ребенка, как Михасик, никак не годился. Зато всем требованиям отлично соответствовал частный детский садик, который располагается не так, чтобы очень близко к их дому, но зато там вокруг парк, чудные старинные деревья, иппотерапия, английский язык по британской системе, студия звукозаписи и изостудия, где преподают исключительно выпускники Академии художеств.

– Зачем им в этом возрасте английский? Они и по-русски еще не ахти как разговаривают, – усомнился Роман.

В ответ он услышал о себе много всего неприятного. Оказывается, он отстал от жизни, невозможно старомоден и совершенно не желает идти в ногу со временем. А ей – Наташе, продвинутой и успешной, – такое положение дел никак не подходит.

– В общем, наш сын идет в этот садик. Я его туда уже записала. Завтра первое занятие.

– И сколько же стоит пребывание ребенка в этом чудесном месте?

– Не беспокойся, я отвезу его туда сама. Тебе не придется этого делать.

Но Роман насторожился. Уход Наташи от прямого ответа

означал, что на сей раз она собирается пощипать его на более чем кругленькую сумму.

– Сколько это стоит? – повторил он уже более внушительно.

Наташа начала юлить, упомянула про какие-то программы, по которым дети также смогут изучать китайский, японский и другие восточные языки. Но когда она заикнулась про лабораторию для проведения химических опытов, дабы с младенческих ногтей приобщить юное поколение к науке, терпение Романа лопнуло, и он крикнул:

– Сколько?

Наташа моментально обиделась. У нее задрожали губки, на больших круглых глазах появились слезинки. Роман услышал, что он чудовищно груб, жесток и несдержан. Но он не унимался, и в конце концов сумма была ему озвучена. Услышав цифру, Роман категорически заявил:

– Нет!

– Тебе жалко денег на родного ребенка?

– На ребенка не жаль, а на всякую чушь вроде изучения суахили с пеленок деньги тратить глупо.

Наташа начала плакать. Роман ушел на кухню, где долго искал сигареты, совсем забыв, что сигареты, впрочем, как и алкоголь, уже давно находятся под запретом и в квартире ни того, ни другого попросту нет. А когда вернулся в спальню, было уже около пяти утра, и спать хотелось смертельно.

А Наташа заявила:

– Тогда мне нужна няня!

Роман повалился в кровать и, понимая, что в противном случае Наташа от него не отстанет, буркнул:

– Хорошо.

И наконец заснул крепким сном человека, который уже вынес за минувшие часы все самое страшное и бояться ему потому вроде как больше нечего. Ах, если бы Роман умел заглядывать в будущее, он бы поостерегся делать такие выводы. Будущее уже приготовило для него пару-тройку сюрпризов, по большей части тоже весьма неприятных. Но пока Роман, ни о чем не подозревая, просто тихо радовался, что ему наконец перестали выносить мозг и дали хоть немного поспать перед новым тяжелым рабочим днем.

Глава 2

Утро началось для Романа со звонка будильника. Он протянул руку к прикроватной тумбочке, на которой лежал его телефон, но с удивлением обнаружил, что будильник на телефоне молчит. Да и мелодия будильника у него был мелодичная, откуда же тогда раздается этот противный звук? Наташи рядом в постели уже не было, зато ее голос раздавался из прихожей.

Кроме голоса жены, Роман услышал еще один женский голос – незнакомый. Кого это принесло в такую рань? После бессонной ночи глаза у Романа слипались, голова была тяжелой и гудела, словно пустой котел, если по нему хорошенько стукнуть. Он чувствовал себя разбитым и с удовольствием бы еще немного поспал. Но часы утверждали, что через десять минут все равно придется вставать, и, тяжело вздыхая, Роман опустил ноги с кровати и надел домашние шлепанцы.

Голоса Наташи и незнакомой женщины за это время переместились из прихожей в кухню и звучали приглушенно. Роман слегка недоумевал. Что это за ранняя гостья, которую Наташа не только не выставила за дверь, но еще и пригласила в дом? Ведь Наташа не была такой уж хлебосольной хозяйкой, чтобы зазывать к себе всех подряд. А в последнее время она и вовсе гостей к себе не приглашает, утверждая, что с ними слишком много мороки, а она и так устает.

Разве что соседка пришла? С ближайшей соседкой у жены сложились отношения наподобие дружеских. Это значило, что Наташа соседку эксплуатировала в своих целях, а та с этим мирилась. Но та по утрам занималась своими делами, у нее тоже были дети. Неужели что-то случилось?

Роман медленно поплелся на кухню, где увидел наконец гостью, потревожившую утренний сон. Это была средних лет высокая женщина, самой приметной деталью внешности которой был ее нос. Еще у женщины была странная прическа. Ее темные волосы каштанового оттенка почему-то казались тусклыми и как будто неживыми, но зато были такими густыми, что покрывали голову наподобие шлема.

В целом эта женщина Роману не понравилась, слишком уж нерасполагающая внешность у нее оказалась. Особенно нехороши были глаза, словно остановившиеся, женщина мигала редко и медленно и, казалось, вообще пребывала в полусонном состоянии.

То, что ему тут не рады, Роман почувствовал сразу же, как вошел. Обе женщины повернулись в его сторону, он даже удивился, до чего одинаково они на него смотрят. Как на чужака. И не просто на чужака, а на чужака, враждебного им, лишнего, которому лучше отступить подобру-поздорову.

– Здравствуйте, – пробормотал он растерянно.

Обе женщины молча кивнули в ответ и продолжали смотреть на него, ожидая, что он уйдет. Роман сходил в ванную комнату, закончил утренние процедуры, оделся и решил, что

теперь он имеет право позавтракать. Однако когда он вернулся на кухню, то никакого завтрака на столе и в помине не было. Зато с ним наконец сообразовали заговорить:

– Роман, познакомься, это Валькирия Анатольевна – наша няня.

Няня? Роман с недоумением взглянул сначала на жену, потом на Валькирию Анатольевну и снова поразился, как странно она выглядит. Но не только это было удивительно. Откуда тут в принципе взялась няня?

– Мы с тобой разговаривали, ты помнишь? – словно прочла его мысли Наташа.

Верно, разговаривали. Но было это всего пару часов назад. Неужели за такое короткое время Наташа уже успела найти для Михасика няню? Впрочем, когда Наташе что-то очень нужно, то она становится удивительно энергичной.

– Очень приятно, – промямлил Роман, которому отнюдь не было приятно, а даже совсем наоборот.

Он присел на стол и попытался разобраться в своих мыслях. Сделать это было трудно, потому что женщины вдруг принялись буквально забрасывать его информацией. Оказалось, что у Валькирии Анатольевны огромный педагогический опыт, она работала в самых продвинутых гимназиях не только нашей страны, но и в Европе. Она являлась обладательницей бесчисленных наград, грамот, благодарностей и поощрений в области воспитания подрастающего поколения.

Роман слушал и тихо печалился, ему чудилось, что с каждой новой грамотой сумма вознаграждения, которое они должны будут заплатить этой Валькирии Анатольевне, все увеличивается и увеличивается. К тому же он не понимал, зачем все эти заслуги, если Михасику всего два с половиной года? Чтобы менять ему памперс и выводить на прогулку, трех дипломов о высшем образовании точно не нужно.

– А что вас привело к нам? – уточнил Роман.

Оказалось, что семейные обстоятельства. Но что крылось под этим объяснением, Валькирия Анатольевна не уточнила. А Наташа, выманив мужа в коридор, велела ему не соваться со своими вопросиками.

– Валькирия Анатольевна просто чудо. И то, что она согласилась на те смешные деньги, которые мы ей можем платить, это огромное везение.

– И насколько смешные?

Наташа назвала сумму, и Роман был вынужден признать, что хотя деньги были не такие уж смешные, но по сравнению с элитным детским садиком Валькирия Анатольевна и впрямь была чудо как умерена в своих требованиях. И все же что-то не нравилось Роману в этой истории. Он бы с удовольствием выставил няню за дверь, вежливо с ней распрощавшись и забыв о ее существовании навсегда. Но это грозило новой семейной ссорой, а Роман еще не отошел после ночного объяснения с супругой.

Так что когда он кивнул головой, обещая, что будет вы-

давать «смешные» деньги для Валькирии Анатольевны, то был милостиво отпущен на волю. Впрочем, завтрак ему так и не предложили, Наташа выглядела озабоченной, и Роман решил, что вполне может перекусить где-нибудь в городе.

По дороге на работу ему позвонила сестра. И всякий раз, когда он слышал ее с детства знакомый, глубокий и сильный голос, на душе у Романа становилось теплей. С юных лет они были очень близки, так сложилось, что им приходилось много времени проводить вместе, родителям, занятым на работе, частенько бывало недосуг, и дети играли вдвоем.

О, только не надо их жалеть! Вдвоем они прекрасно проводили время! Роману не на что было жаловаться. Рита умела придумывать тысячу разнообразных игр, и время пролетало незаметно. Благодаря сестре его детство выдалось очень счастливым, полным чудных воспоминаний и веселых проказ, которые с теплотой вспоминались до сих пор.

И даже став взрослым, как бы ни был он занят, Роман всегда находил время, чтобы пообщаться с сестрой и хотя бы вкратце рассказать ей, где он и что сейчас делает. К сожалению, личная жизнь у Риты не сложилась, достойный мужчина ей так и не встретился, а размениваться на всякое барахло она не желала, не по ее это было натуре. Так что она занималась карьерой, много и успешно работала в своем институте, но никогда не скрывала, что главное для нее – это то, чтобы их род не прервался, а дал бы миру видных деятелей.

– У меня детей нет и, наверное, уже не будет. Так что ты,

Ромашка, должен постараться за нас обоих, – повторяла Рита.

Но когда на свет появился Михасик, сестра ничуть не обрадовалась. Она даже заговорила с Романом как никогда строго.

– Дети, Рома, это не просто баловство, мол, родился человек и родился. Теперь мы ответственны за то, чтобы он вырос хорошим человеком. Если ты захочешь развестись с женой и забрать ребенка себе, то я тебя пойму.

– Что ты такое говоришь? – изумился Роман, который тогда еще не до конца понял, что за цветочек аленький достался ему в жены. – Я люблю Наташу.

– Да и не отдаст суд при живой матери ребенка отцу, – продолжала Рита, словно не слыша его возражений. – Но все равно ты должен контролировать воспитание сына, потому что такая мать, как твоя Наташа, хорошего человека никогда не вырастит.

Увы, Рита не любила его жену. Что там говорить, сестра просто на дух терпеть не могла Наташу. С самого первого дня, с самой первой минуты. Когда она впервые увидела невесту брата, на лице ее проступило такое выражение, словно Рита видит перед собой редкую гадину. К сожалению, сестра не ошиблась, Наташа и впрямь оказалась гадиной редкой. И Роман много раз спрашивал себя: как его угораздило с ней связаться?

Какое-то помрачение рассудка произошло, когда он не

просто переспал с этой красивой куклой, но еще и взял ее номер телефона, а потом и еще сам позвонил. Правда, звонил не часто, Наташа пугала его своей пустотой. Но секс с ней был офигительным, она умела быть очень сладкой девочкой, когда хотела. Правда, хотела она не так уж часто, так что и виделись они соответственно от случая к случаю.

А потом вдруг этот звонок: «Я беременна. Уже четыре месяца. Что будем делать?» Роман помнил, как бешено застучало его сердце. Ребенок! Сколько он ждал этого! Но ни одна из прежних подружек что-то не беременела. И после полугодика или даже двух лет совместной жизни, когда разговоры о браке становились все настойчивей, Роман расставался с женщиной. Зачем ему жена, если ребенка нет?

После Лены, с которой он бы весьма охотно пошел в ЗАГС, если бы ребенок получился, Роман наконец посетил врача. Как он и подозревал, проблема оказалась в нем. Доктор не стал скрывать, что даже после проведенного лечения возможность стать отцом для Романа составляет не больше пятидесяти процентов. Но Роман лечение прошел, сделал дорогостоящую операцию, и вот чудо случилось – родился Михасик.

Правда, теперь Роман склонен был считать это не чудом, а скорее проклятием. Наташа оказалась совсем не той женщиной, с которой он хотел бы прожить остаток своих дней. Все время, пока готовилась свадьба, как же иначе, ведь родится ребенок, а у ребенка должен быть отец, Романа не оставляло

чувство, что он совершает ужасную непоправимую ошибку. Никогда у него не было столь трудных дней и особенно ночей, как сейчас, когда ему приходится неотлучно находиться возле Наташи, чтобы учиться быть хорошим отцом и мужем. На такую пожизненную каторгу Роман, откровенно говоря, не рассчитывал.

В свое время он очень хотел связать судьбу с Ирой, с которой познакомился еще в институте. Но все у них разладилось, потому что не было детей, а Ира хотела двигаться вперед, и что бы она под этим ни подразумевала, все сводилось к официальному штампу в паспорте. Но Роману нужна была гарантия, что брак не распадется и чтобы гарантом этого союза был ребенок. Ира его не понимала, и они расстались.

Он бы не отказался жениться и на Лене, с которой встречался после расставания с Ирой, особенно если бы Лена немного поправилась и перестала бы донимать его и себя разнообразными диетами. Очень бы хотел остаться с Анечкой... С Анечкой они бы жили очень дружно, весело и счастливо. А вот с Наташей он серьезных отношений не планировал никогда. Вообще, он никогда не смотрел на нее как на свою будущую жену. Девушка, с которой можно приятно провести какое-то время, вот и все. И именно она умудрилась стать матерью его сына.

Вот парадокс! С теми женщинами он жил, обитал под одной крышей, каждую ночь, на протяжении месяцев или даже лет, спал с ними в одной кровати, но они не беременели. А

вот с Наташей он никогда даже совместно не проживал, но именно она умудрилась залететь от него!

Это было какое-то издевательство.

Сестра почувствовала, что он не в настроении.

– Снова доставала тебя твоя стерва?

– Ночка еще та была, – признался Роман. – Михасик много капризничал. Потом Наташка истерику мне устроила.

– А теперь что случилось?

– Няню потребовала нанять. Говорит, что устает.

– Няню?

В голосе сестры слышалось откровенное возмущение.

– Какую ей еще няню, если она нигде не работает?

Роман открыл рот, чтобы ответить, но сестра его перебила. К тому же она неожиданно сменила гнев на милость.

– А впрочем, – произнесла она совсем другим тоном, – если у Михасика появится няня, то он будет меньше времени проводить с матерью. А это для него уже благо.

– Ты бы видела, что за няню Наташа подыскала!

– Да? Под стать себе?

– Хуже в тыщу раз! И мне даже кажется, что она какая-то ненормальная.

– В смысле?

– Ну, у нее реакция заторможенная. И выглядит она странно.

– И Наташа доверила ребенка такой женщине?

– Сам не пойму, ослепла она, что ли?

– Я приеду сегодня к вам.

– Нет, не надо! – воспротивился Роман.

Он знал, что встреча жены с его сестрой неизменно заканчивалась для него дикой головной болью. Нет, женщины не ссорились, но напряженность так и витала в воздухе. И Роману казалось, что он находится под силовым полем. Кинь искру – все взлетит на воздух.

– Не сегодня, пожалуйста.

– Хорошо, как скажешь.

– Давай в выходные.

В душе Роман надеялся, что, может быть, до выходных няня и сама исчезнет. А вместе с ней и очередная проблема, которую ему подбросила жена.

На работе, как всегда в конце квартала, была запарка. Все срочно хотели бухгалтерские отчеты, младшие сотрудники путались и терялись, старшие злились на них за это. Требовалось уладить множество дел, и лишь к вечеру Роман понял, что за целый день он так и не поел ни разу.

Есть хотелось так сильно, что сосало под ложечкой, и он чувствовал, что до дома просто не доедет. И хотя Наташа всегда планировала приготовить для него на ужин что-нибудь вкусненькое, да и готовить она умела и любила, но готовить им предстояло обязательно вдвоем. Одна Наташа почему-то не могла ни мясо порезать, ни лук почистить, ни картошку на огонь поставить. Во всем ей требовалась мужская помощь. Обычно Роман не роптал, резал, ставил, отбивал.

Но сегодня решил, что ужин лучше предвосхитить легким перекусом где-нибудь по дороге.

У Романа не было намерения где-либо засиживаться, он планировал перехватить на ходу пирожок или блинчик и двигаться домой. Однако, пробежав мимо двух знакомых ему точек, он одну обнаружил закрытой, а возле другой толпилась приличных размеров очередь. Роман остановился в растерянности, твердо понимая, что в таком состоянии он до дома не доедет. Грохнется в голодный обморок как пить дать. Так что же делать? Купить, что ли, шоколадку возле метро?

И тут он неожиданно услышал:

– Роман Аркадьевич! Рома!

Оглянувшись на голос, он увидел своего приятеля – Юрку Бодунова. Юрка возглавлял небольшую фирму, торгующую стройматериалами, его офис располагался в том же бизнес-центре, где и центр по сопровождению бухгалтерии – детище Романа.

Откровенно говоря, Роман был не так уж рад встрече, потому что Юрка был уже под градусом и, значит, так просто от него не отстанет. Роман даже сделал попытку вовсе не заметить Юрку, но тот намеков не понимал. И, бросившись прямо на проезжую часть, проскочил перед носом возмущенно загудевшего автобуса, лихо обогнул легковушку и целый-невредимый подбежал к Роману.

– Привет! Ты чего? Оглох? Ору тебе, ору!

– А я слышу, что кто-то кричит, а кто, понять не могу. А чего орешь-то?

– Пошли со мной.

– Куда?

– Пошли!

В том, как настойчиво Юрка тянул его за собой, было что-то настораживающее. К тому же Роман видел – его первоначальное подозрение, что Юрка уже прилично пьян, вполне соответствует истине. Морда у него была красная, глаза блестели, куртка или вообще верхняя одежда отсутствовала напрочь, хотя на дворе стояла осень, и разгуливать в одной рубашке по улицам было не так уж комфортно.

– Пошли, я сказал! Сын у меня родился. Отмечаем!

Роман заколебался. Повод значительный, что и говорить. Не пойти, Юрка смертельно обидится, он ведь такой. Однако попытку ускользнуть Роман все же сделал.

– Да у меня вроде как тоже сын... дома дожидается.

– Ничего! Твоему уже сколько? Год?

– Два с половиной.

– Ни фиги себе время летит! – поразился Юрка. – А казалось, только вчера у тебя гуляли. Ну, идем! А то я у тебя гулял, а ты у меня нет? Непорядок получается.

– Ладно, – сдался Роман. – Но только ненадолго.

– Какой разговор! Что я, твою Наташку не знаю? Весь мозг иначе вынесет.

Они снова перешли дорогу, на сей раз по пешеходному

переходу, хотя Юрка рвался обратно тем же путем, что и пришел, но Роман настоял на соблюдении правил. А потом мужчины спустились в небольшое кафе, располагавшееся в подвальчике. Роман ожидал увидеть многочисленную компанию знакомых лиц, но никого не увидел.

– Мы что, вдвоем отмечать будем?

– А тебе еще кто-то нужен?

Роману показалось, что Юрка какой-то очень напряженный. Он даже подумал, может, случилось чего у человека, выговориться ему нужно, вот и позвал его, потому что душу хочет излить. Роман присел за столик, на который указал ему Юрка, и обнаружил, что Бодунов исчез. Только что был рядом, а теперь его не было. Куда же он мог деться?

Оглядевшись вокруг, Роман увидел приятеля, который разговаривал о чем-то с официантом, похоже, делал заказ. Роман снова удивился. Как же Юрка сказал, что они уже отмечают? Где? И кто они, если никого нет?

Но Юрка уже спешил назад. В руках у него был графинчик с водкой.

– Сейчас официант принесет заказ, – сказал он. – А пока выпьем.

– Мне чуть-чуть.

– Знаю, знаю, твоя Наташка, если унюхает, кирдык тебе будет – полный и окончательный. И как ты с ней живешь?

Вопрос был риторический, ответа на него не требовалось. Это знали оба.

– Ну, за твоего сына! – произнес Роман тост.

Юрка вскинул на него глаза:

– За ка... Ах да!

Они чокнулись и выпили. Юрка опрокинул целую рюмку, а Роман лишь пригубил. Наташа категорически не одобряла, когда он пил где-нибудь, кроме дома. Она и дома-то не одобряла, но все-таки там Роман мог в честь большого праздника выпить бокальчик или даже три. Но не больше. За этим Наташа следила очень строго. Три рюмки, и баста. Так что Роман сознавал – если он явится домой даже слегка нетрезвым, очередной разборки будет не избежать. А ему так хотелось выспаться хотя бы сегодня!

Им принесли салаты. Роман накинудся на еду с жадностью, не разбирая, что там в этом салате намешано. Наташа бы упала в обморок. Она не признавала рестораны престижем меньше трех звезд. Но Роман с утра ничего не ел, и даже такой салат показался ему вкусней вкусного. А вот Юрка закусывал мало. Поковыряв для приличия в тарелке, он огляделся по сторонам и произнес:

– Что-то горячее не несут. Пойду потороплю их.

И исчез прежде, чем Роман успел сказать, что горячего он не хочет и просто элементарно не успеет его съесть. Впрочем, разве что пару кусков мяса. Нагоняй от Наташи он все равно уже получит, так не все ли равно? Предвкушая предстоящее горячее блюдо, Роман доедал свой салат и вдруг услышал у себя над ухом, как низкий мужской голос произ-

нес:

– Верни мальчика-то.

Роман поднял голову и с удивлением обнаружил, что данная фраза адресована ему. Ее произнес высокий, мрачного вида детина, чью одутловатую физиономию покрывала многодневная щетина. Выглядел этот тип достаточно угрожающе, и Роман поежился. Его явно приняли за кого-то другого, и, честно говоря, он этому другому не завидовал.

Ожидая, что, увидев его лицо, детина извинится и отойдет, Роман молча смотрел на него.

– Мальчика, говорю, отцу верни!

– Простите, вы это мне?

– А тут еще кто-то есть?

– Нет. Но о каком ребенке идет речь?

Но вместо того, чтобы продолжить дискуссию, детина неожиданно сгреб Романа за пиджак и поднял из-за стола. И, приблизив к себе лицом к лицу, выдохнул:

– Ты еще спрашиваешь, гад? Украл ребенка у родного отца, а теперь рожи удивленные кривишь!

Роман не собирался терпеть оскорбления от всяких там пьяных хулиганов. Он тоже был не лыком шит. Умел за себя постоять. И сейчас выдался как раз подходящий случай. Взяв хулигана за руку, Роман вывернул ее на боковую. А потом ударом кулака под дых послал противника отдыхать на пол. Не дожидаясь, пока тот очухается и решит выяснять отношения дальше, Роман сгреб свою куртку и быстро поки-

нул кафе. Хватит с него, а Юрка пусть его извинит.

Он и не заметил, что его хороший приятель Юрка Бодунов все и сам прекрасно видел, наблюдая за происходящим из-за шторы, отделявшей зал от подсобных помещений. И когда нападавший на Романа детина оказался на полу, Юрка виновато оглянулся назад на человека, стоящего за его спиной.

– Я видел, – лаконично произнес тот.

– Не такой уж Ромка и хилак.

В его голосе слышалась сдержанная гордость за своего друга. Но собеседнику это не понравилось.

– Ты главное про то, что свой долг должен вернуть, не забывай.

– Я помню, – моментально сник Юрка.

– И про проценты помни.

Юрка скис окончательно.

Убедившись, что бунта с этой стороны больше не предвидится, мужчина властно произнес:

– А теперь слушай, какой у нас план будет дальше.

Домой Роман успел вернуться почти вовремя. Получасовое опоздание можно легко списать на пробки. А легкий запах алкоголя он замаскировал ментоловыми леденцами, зная, что именно этот запах Наташа не переваривает, и поэтому церемонии ритуального обнюхивания можно будет избежать. Но, оказалось, зря осторожничал. Наташа и не ду-

мала его целовать. С утомленным видом она полулежала на кушетке, на голове у нее было влажное полотенце.

– Тяжелый день? – присел рядом Рома.

Жена подняла на него затуманенные болью глаза, и Роман понял, что она не притворяется, ей и впрямь нехорошо.

– Мне нездоровится, я даже для ужина ничего приготовить не успела. Прости меня, милый.

Видать, Наташу и впрямь всерьез скрутило, потому что даже это ее всегдашнее «милый» прозвучало без обычной воинственности.

– А где Михасик?

– Они гуляют.

– Кто?

Вначале Роман подумал, что сестра все-таки не послушалась его и приехала. Не успел он удивиться, что Наташа так спокойно говорит об этом, обычно совместная прогулка Михасика и Риты не обходилась без маленькой истерики со стороны жены. Ее категорически не устраивало, что ребенок должен общаться с кем-то, кто ей не нравится. Но тут уж Роман был тверд, его сын должен знать свою родню не только со стороны матери, но также и с его стороны. И Наташе приходилось уступать. Впрочем, делала она это с большим неудовольствием, и потому сейчас Роман очень удивился, как это жена без всякого нажима с его стороны отпустила ребенка вдвоем с ненавистной ей Ритой.

Но недоразумение быстро прояснилось, когда Наташа

произнесла:

– Михасик с Валькирией Анатольевной.

– Ты отпустила ребенка в первый же день с няней? – изумился еще больше Роман.

– Валькирия Анатольевна прекрасный педагог. Они отлично ладили с Михасиком. Ты бы видел, как они вместе чудесно играли. Михасика прямо не узнать. Я и не знала, что он может быть таким послушным.

– Видимо, няня и впрямь опытная.

И все же что-то смущало Романа. Как ни прекрасна была Валькирия Анатольевна, как ни проникся к ней Михасик, они-то ее совсем не знали. А вдруг это какая-нибудь мошенница или просто сумасшедшая? Вид у нее того... подходящий.

– А где они гуляют?

– Во дворе, наверное.

– Как это – наверное? Ты что, не знаешь точно, где они?

– А какая разница?

Беспокойство усилилось. Во-первых, Роман не видел во дворе ни Валькирии Анатольевны, ни Михасика, хотя возвращался как раз мимо детской площадки. А во-вторых, пока он ехал в метро, на улице уже стало смеркаться и похолодало. И совершенно незачем было ребенку гулять в такое время.

– Дай мне телефон няни, я ей позвоню.

– Телефон? А у меня его нет.

– Ты не взяла номер телефона няни?! А как же ты с ней связывалась?

– Да, да, конечно, номер телефона... – пробормотала Наташа, словно находясь в полусне. – А зачем ты хочешь ей звонить?

– Наташа, ты валяешь дурочку или правда не понимаешь, почему я тревожусь? Ты доверила ребенка посторонней женщине, на улице темнеет, их нет. Я хочу позвонить этой Валькирии Анатольевне и убедиться, что с ними все в порядке.

– Валькирия Анатольевна прекрасный педагог, – повторила Наташа, словно заезженная пластинка.

У Романа даже мелькнула мысль, а не загипнотизировали этот «прекрасный педагог» его жену, иначе почему она твердит одно и то же. Но Наташа сняла с головы полотенце и своим нормальным тоном произнесла:

– Сейчас я сама ей позвоню.

Она набрала номер и стала ждать. Номер не отвечал. Роман занервничал еще больше. Но Наташа хранила удивительное в данной ситуации спокойствие.

– Ничего страшного, – произнесла она. – Наверное, не слышит. Она обещала Михасику, что поиграет с ним в футбол. Наверное, мяч гоняют. Погуляют еще полчаса и вернутся.

– Но во дворе их нет!

– На детскую площадку пошли.

– На какую именно? Я бы туда сбегал.

– Сбегай, – неожиданно легко согласилась жена.

– Да, но на какую? Их сейчас много понастроили. Только возле нашего дома есть целых девять штук.

– Вот и сбегай, поищи. Дождика нету? Ну, значит, все в порядке.

И Наташа, подняв полотенце, снова пристроила его себе на лоб и улеглась обратно на кушетку. Поняв, что с женой творится что-то неладное и помощи в поисках сына он не добьется, Роман выскочил из дома, громко хлопнув дверью. Надо же, еще совсем недавно он мечтал, чтобы жена и сын оставили его в покое, а вот сегодня это произошло, и он мечется, словно осетр в проруби, чувствуя, как нарастает отчаяние.

Глава 3

Роман по очереди обежал все известные ему детские площадки, даже те, которые были на приличном расстоянии от дома и куда дама на высоченных каблуках и с маленьким ребенком вряд ли бы дошла. Увы, ни Валькирии Анатольевны, ни приметной ярко-зеленой коляски Михасика, ни его самого Роман не увидел.

– Да где же они? Где?

Неожиданно Роман увидел знакомую женщину, соседку. Это была мама одной маленькой приятельницы их Михасика. Несмотря на то что сыну не исполнилось еще и трех лет, он был редким дамским угодником и не пропускал ни одной девочки, как красивой, так и не очень. Все они были в равной степени обласканы его вниманием, и, конечно, родители этих девочек хорошо знали Михасика и его родителей.

Женщина сама помахала Роману и подошла к нему. Девочка – пристрашненькое создание на тоненьких ножках-паутинках, тем не менее обтянутых ажурными колготочками, – переминалась рядом, стеснительно поглядывая на взрослого дядю и явно желая у него что-то спросить.

– Добрый вечер, – поздоровалась женщина. – А где Михасик?

– Да вот сам его ищу.

– Мы видели, как сегодня утром с Михасиком какая-то

женщина гуляла. К вам родственница приехала?

– Это его няня.

– Няня?

Женщина выглядела удивленной. Она явно не понимала, зачем при неработающей матери нужна еще и няня. Не очень-то понимал это и Роман. Но сейчас его внимание было сосредоточено на другом.

– Говорите, видели их утром?

– Да, около одиннадцати, может быть, чуть позже было.

А ведь Наташа сказала, что всю первую половину дня новая няня играла с Михасиком дома. Выходит, они и утром тоже гуляли? Почему же она соврала? Конечно, это была маленькая и совсем незначительная ложь, но все-таки зачем?

Но соседка уже снова говорила, и Роман был вынужден переключиться, чтобы понять, о чем она ему толкует.

– Мы хотели к ним подойти, но няня быстро укатила Михасика прочь.

– Она его в машину посадила.

Эту фразу произнесла девочка. Она таращила на Романа глазищи и явно сама восхищалась собственной отвагой. Шутка ли, первой заговорить со взрослым дядей, чужим папой.

– Что ты говоришь? – удивились одновременно Роман и мать девочки.

Но кроха не смутилась. И подтвердила:

– Она Михасика в машину посадила.

– Кто?

– Тетя. Плохая.

– А что за машина была? – спросила ее мать. – Игрушечная, наверно?

На площадке стояла такая машина, в которой Михасик обожал крутить руль, дергать ручку тормоза и жать педали передач. И Роман, и женщина думали, что ребенок пытается сказать, что няня посадила Михасика в эту машинку, чтобы он поиграл. Но оказалось, ничего подобного.

– Она его в настоящую машину посадила. Плохая тетя.

– Плохая? Почему?

– Она била Михасика.

– Как била? – ахнул Роман.

– А вот так.

И девочка сделала рукой резкое движение, словно кого-то ударяла.

– Вот так била.

– А за что она его ударила?

– Он за руль опять хотел сесть, а она ему не давала. Михасик плакать стал, тогда тетя его ударила.

От услышанного у Романа даже голова закружилась. Ну Наташка! Ну учудила! То тряслась над ребенком, словно над хрупким яйцом, а тут отпустила с посторонней бабой, даже не справившись о психическом состоянии последней. Но тут же еще более страшная мысль пришла ему в голову.

– И где эта машина сейчас?

– Уехала.

– А Михасик?

– Тоже уехал. Вместе с той тетей.

Роман не знал, что ему и делать. Выходило слишком страшно, чтобы быть правдой. И, не прощаясь со своими знакомыми, он помчался что было сил обратно к своему дому.

Жену застал все там же, Наташа лежала на кушетке в прежней позе. И даже головы не повернула, когда Роман ворвался в дверь с криком:

– Наташа, когда пропал Михасик? Еще утром, да?

И лишь когда муж навис над ней, она попыталась отвертеться, твердя ту же самую версию, что няня с Михасиком вышли буквально сейчас и скоро придут.

– Ты разрешала этой бабе куда-то возить ребенка? Говори? Разрешала?

– Нет, нет, конечно.

– А между тем я нашел людей, которые видели, как эта тетка сажала нашего ребенка в машину. Наташа, где ты ее нашла?

– На сайте.

– На каком сайте?

– Ну, на сайте агентства по подбору нянь, гувернанток и домашней прислуги.

– Где этот сайт? Как туда войти?

Наташа сказала название, но оно оказалось неправиль-

ным. Поисковик ничего не показал.

– Вспоминай, что же ты! – кричал Рома.

– Ах, я не помню, что ты на меня кричишь? К чему эта беготня? Ну, посадила няня мальчика в машину, что с того?

– Она его била! Это видела дочка соседки.

– Не может быть. Наверное, девочке это просто показалось или придумала.

Роман смотрел на Наташу и поражался тому, что видел. Странная безучастность была написана на лице жены. Неужели эта женщина устраивала ему страшные истерики, когда он на минутку отворачивался в сторону, будучи отправлен на прогулку с Михасиком? А когда мальчик случайно свалился с горки, то жена объявила Роману бойкот на целых две недели. Была немедленно вызвана «неотложка», Михасика со всеми предосторожностями транспортировали в больницу, где, несмотря на заверения врачей, что с ребенком все в порядке, Наташа настояла на полном обследовании.

И хотя обследование выявило лишь незначительный ушиб мягких тканей, Роману еще в течение двух месяцев после этого при каждом удобном случае напоминали о том, как по его вине Михасик чуть было не стал инвалидом. И на каждой прогулке Роману вменялось в обязанность глаз не спускать с сына, предостерегая его от всех возможных опасностей. А тут он говорит Наташе, что их ребенка била какая-то посторонняя баба, что она с неизвестными целями усадила его в

свою машину и, похоже, увезла невесть куда, а ей и дела нет.

– Наташа, ты вообще, в своем уме? – спросил он у жены. – Ты здорова? Ты хотя бы слышишь, что я тебе говорю?

Снова безучастный кивок. Роман плюнул и выбежал из дома. Находиться рядом с этой омертвевшей женщиной было не под силу. Но и на улице лучше ему не стало. Он прошелся вдоль дома, убедился, что уже окончательно стемнело, и вернулся назад. Сердце билось так часто, что, казалось, того и гляди выскочит из груди.

– Надо заявлять в полицию! – твердил Роман самому себе. – Надо!

На улице он пробыл от силы десять минут, может быть, чуть больше, но за это время с его женой произошли разительные перемены. Она больше не лежала, безучастно глядя на стену, а была вновь на ногах и полна жизненных сил. Роман даже оторопел, когда в дверях квартиры столкнулся с Наташей.

– Ты куда?

– Не тронь меня!

Наташа была нарядно одета, на лице макияж, и выглядела она так, словно собралась куда-то. Но с мужем держалась настороженно и даже как-то враждебно. Когда Роман замешкался, не зная, пропустить ему Наташу или задержать, она с такой силой толкнула его в грудь, что он от неожиданности даже отшатнулся. Наташе хватило этого для того, чтобы проскочить к лифту и запрыгнуть в кабину, которая еще

стояла на их этаже. Не глядя на Романа, все с тем же гордым и неприступным выражением лица, она ткнула пальцем в кнопку первого этажа, и двери лифта закрылись.

Совершенно ошарашенный всеми этими событиями Роман стоял, окутанный тяжелым ароматом малины, который оставила после себя шлейфом его жена. Эти приторные сладкие духи Наташа приобрела за бешеные деньги и пользовалась ими в самых исключительных случаях. Жена просто обожала запах малины, и Роман понимал – куда бы ни направилась Наташа, для нее предстоящее мероприятие представляется чрезвычайно важным.

Так ничего и не понимая, он вернулся домой и в уличной одежде и даже обуви прошел в комнату. Делать это Наташа строжайше запрещала, но сейчас Роману было все равно. В голове был какой-то туман. Рома просто сидел и тупо пялился перед собой.

Внезапно его внимание привлек телефон. Стационарный телефон со шнуром, но сейчас его трубка не лежала на рычаге, а беспомощно свисала вниз со стола, покачиваясь на проводе. В таком состоянии телефон нормально функционировать, конечно, не мог. Роман механически потянулся к трубке, чтобы вернуть ее в нормальное состояние, но внезапно замер. Минуточку, почему трубка оказалась в таком неудобном положении? Не иначе, Наташе кто-то позвонил перед ее стремительным уходом из дома. И звонок этот произвел на нее столь сильное впечатление, что она выскочила из до-

ма, не только ничего не объяснив мужу, но даже и не вернув трубку на место.

Роман поднес трубку к уху. Так и есть, короткие гудки. Он вернул трубку на рычаг и задумался. Значит, разговор был прерван, а трубку Наташа забыла вернуть на место. Такое могло произойти лишь в том случае, если услышанная по телефону новость поразила ее в самое сердце, так что жена забыла обо всем, и даже о правилах, которые сама же установила. Внезапно телефон зазвонил.

Сил, чтобы разговаривать, у него не было. Роман просто снял трубку и слушал, что скажут ему. Никаких предположений о том, кто это может звонить, у него не имелось.

– Ты еще дома? – услышал он низкий мужской голос. – Не хочешь повидать своего мальчишку?

Роман молчал.

– И по мне, похоже, не соскучилась?

И прежде чем Роман успел ему ответить, он добавил:

– Повторяю, я жду тебя на набережной возле львов еще полчаса. Потом уйду, сама понимаешь, не могу позволить себе чахоткой заразиться.

В трубке раздался смешок, а потом раздались короткие гудки. Собеседник не стал ждать ответа, а Роман стоял и ругал самого себя за медлительность. Что стоило ему открыть рот и сказать собеседнику... Впрочем, что бы он ему сказал? И к чему этот смешок? Видимо, последнюю фразу про чахотку следовало считать шуткой.

И тут же мысли Романа сосредоточились на том, что он услышал. Этот звонок предназначался не ему, звонивший мужчина думал, что разговаривает с Наташей. Он сказал, что ждет ее на набережной. На какой набережной? В городе их десятки. Куда бежать? В какую сторону? Некоторую зацепку давало упоминание львов. Но и львы – это чуть ли не самый популярный персонаж животного мира на просторах Питера. И как назло почти все львы за редким исключением установлены именно на набережных или поблизости от них.

Внезапно Романа словно током ударило. Этот тип отпустил шуточку насчет чахотки, сказал, что боится заразиться этой болезнью. Но ведь чахоткой раньше называли туберкулез. А туберкулезный диспансер находится на Свердловской набережной, и перед бывшим особняком Кушелева-Безбородко как раз и красуется самое большое скопление львов в городе – целых двадцать девять штук.

Роман вскочил на ноги. Теперь он знал, куда спешила Наташа. Также он знал, что ему теперь делать и куда бежать. Наташа торопилась на встречу с похитителем Михасика. Почему она это предпочла сделать в одиночестве, не поставив в известность мужа и не пожелав, чтобы он сопровождал ее, было в данном случае делом десятым. Главное, что теперь Роман тоже был в курсе того, что происходит, где находятся его жена и сын, и мог вмешаться.

Выбежав за дверь, Роман убедился, что их машины во дворе уже нету. Наташа взяла их ласточку, чтобы добраться

до Свердловской набережной. Впрочем, машина была фактически в единоличном пользовании жены. Роману проще и легче было передвигаться на общественном транспорте. Но сейчас то, что казалось удобством, обернулось проблемой, пришлось воспользоваться услугами частника, который высадил его возле львов и тут же укатил прочь.

Пропустив поток транспорта, Роман поспешил к набережной, напротив старинного особняка. Когда этот особняк возводился, тут был настоящий лес. И на Неве напротив дворца оборудовали причал, куда на лодках прибывали знатные гости, приглашенные на бал к радушным хозяевам. Затем через парадный вход, от которого нынче не осталось и следа, они проходили во дворец. Никакие снующие взад-вперед машины не могли им помешать, потому что и машин тогда не было, да и самой дороги тоже.

Сейчас на набережной сделали красивый спуск к воде, оформленный двумя гранитными сфинксами. Качество их исполнения было невысоко, но Роман и не собирался изучать местные достопримечательности. Он просто пробежал мимо, до боли в глазах вглядываясь в темноту, пытаясь увидеть у реки свою жену. Несмотря на то что прохожих было совсем мало – место глухое, да и ветер у излучины Невы дул с такой силой, что дух захватывало, – свою жену Роман среди бредущих мимо людей не видел.

Может, он ошибся? Может, встреча Наташе была назначена где-то в другом месте? Но тот тип сказал про львов и

про чахотку тоже упомянул, набережная может быть только эта. Может, жена еще не приехала? Надежда проснулась в душе у Романа, но тут он увидел серебристый «Фольксваген» и понял, что Наташа уже тут. Он подошел ближе и взгляделся в регистрационные номера машины. Сомнений больше не оставалось, это их машина. А значит, и Наташа должна быть здесь. Но где же? Ушла с тем типом, который ее сюда вызвал? Укатила с ним, прихватив с собой и Михасика?

Самые черные подозрения начали проклевываться в душе у Романа. Неужели у Наташи был любовник? Ну да, это он ей и звонил. И номер, собака такая, домашний знал. Звонил не таясь!

Чтобы охладить голову, Роман спустился к воде. Нет, нельзя думать о своей жене подобное. Такие мысли надо гнать из головы. Какой бы скверный характер ни был у Наташи, она любит своего мужа и изменять ему не станет.

Роман наклонился к воде, чтобы зачерпнуть в ладонь воду, и в ужасе отшатнулся. Ему показалось, что прямо из темной Невы на него смотрит чье-то лицо. Вскрикнув, отскочил на пару шагов. Но мгновение спустя любопытство превозмогло страх, и он снова подошел ближе к воде. Может, ему показалось? Роман посмотрел внимательней и снова вздрогнул. Нет, не показалось, в воде точно кто-то был.

На сей раз Роман не стал убегать. Взяв себя в руки и мысленно сосчитав до десяти, заставил себя взглянуть еще раз. Ничего не изменилось, картина была все та же, что и минуту

назад. В воде у самого гранитного спуска мерно покачивалось мертвое тело, и тело это принадлежало женщине, потому что по поверхности воды за ее головой стелились длинные светлые волосы.

– Да что же это, – пробормотал Роман. – Что же это такое?!

Какое-то неведомое чувство заставило его опуститься на колени и подтянуть утопленницу поближе к берегу. Женщина была определенно мертва, вода спокойно плескалась у нее над лицом, но по какой-то причине несчастная не уходила на дно и далеко от пирса вместе с течением почему-то не уплывала. Сделав еще одно усилие, Роман подтянул утопленницу еще ближе и понял, почему она не тонет. Воротник ее пальто зацепился за какую-то арматуру, невесть откуда взявшуюся на спуске с набережной.

Почувствовав, что ноги его не держат и он рискует сам свалиться в воду, Роман отпустил мокрый воротник и присел на камень. Все было плохо, очень плохо. Женщина не просто утонула, она была убита. У нее на голове Роман насчитал три пулевых отверстия. Это он понял сразу, повидал подобные раны, когда был в армии. Вывод мог быть только один – женщину убили. И это было ужасно!

Но еще хуже было то, что женщина эта была ему прекрасно знакома. И не просто знакома. Как недавно в его сне, убитой женщиной оказалась его собственная жена. И вот теперь она точно мертва. И убийство похоже на тот ночной кошмар,

который привиделся Роману прошлой ночью. Там он проделал три отверстия дрелью, а тут, похоже, не обошлось без огнестрельного оружия.

Сколько Роман просидел так, глядя на мертвую жену, он сказать не брался. Ему показалось, что минули века, но на самом деле пробежало всего несколько минут с того момента, как он обнаружил утопленницу. Внезапно он услышал позади себя вой полицейской сирены, по водной глади Невы побежали сине-красные огни от мигалок, а спустя секунду раздался громкий мужской голос:

– Идите за мной! Она тут.

И еще спустя мгновение:

– Ой! Смотрите! И он тоже тут!

Роман повернул голову, пытаясь понять, кто там орет и нарушает благоговейную тишину, в которой плещется в воде его любимая. Он встретился глазами с тощим пареньком в нелепой, слишком большой для него куртке, и тот сразу же завопил еще громче, даже приседая от возбуждения:

– Хватайте его, хватайте! Это убийца! Это он в нее стрелял, я видел!

Роман вскочил на ноги, но этим все и закончилось. Бежать ему было некуда. Единственный путь перекрыт полицией. Разве что ему пришло бы в голову сигануть в холодную Неву. Но, будучи в здравом уме, он этого делать не стал. Во-первых, бесполезно, все равно достанут. А во-вторых, он

никого не убивал, значит, бояться полиции ему не надо.

В неразумности подобного мнения ему пришлось убедиться уже очень скоро. Полицейские сразу же скрутили ему руки, несмотря на то что он и не думал сопротивляться. Отсутствие у него какого бы то ни было оружия и, наоборот, присутствие документов тоже их пыл ничуть не охладило. Они так радовались, что раскрыли преступление «по горячим следам», что Роману даже было как-то неудобно их в этом немедленно разочаровывать. Но, наконец, он понял, чем чревата для него лично такая деликатность, и начал энергично протестовать.

– Я никого не убивал. У нас с женой были прекрасные отношения.

Но его слова лишь вызывали у полицейских издевательский смех.

– А на набережной вы с ней гуляли, да?

– Нет. Мы приехали на встречу с одним человеком.

– И где же он? Там кроме тебя – живого и ее – уже мертвой никого не было.

– Я не знаю. Я чуть задержался. Наташа раньше меня приехала.

– Приехала, оступилась и упала в воду. А дырки у нее в голове откуда?

– Наверное, ее застрелил тот человек, который назначил ей встречу в этом месте.

– Что ты нам тут впарить пытаешься? Что у тебя с женой

были шоколадные отношения, так в это мы никогда не поверим. Все мы знаем, как бабы иной раз допечь могут. Где-то по-мужски тебя даже можно понять. Бабы они все те еще... кошки. Но стрелять в них за это тоже никому не позволено.

– Нет, у нас с женой если и были проблемы, то мелкие, бытовые.

– Это и так понятно! Допекла по мелочам, вот ты ее и застрелил. Ты лучше скажи, оружие куда дел? Утопил?

– У меня не было никакого оружия. Я не стрелял. И Наташу не убивал.

Роман говорил и с ужасом понимал, что все бесполезно. Ему никто тут не верил, и хуже того, никто также не хотел слушать оправданий. Полицейские словно бы сговорились между собой. Дошло до того, что они стали тут же при Романе планировать, на что каждый из них потратит премию, которую они получают за такое быстрое и прямо-таки стремительное задержание преступника.

– Послушайте, – взывал к ним Роман. – Нельзя же полагаться на показание одного лишь свидетеля, да еще не совсем трезвого.

Теперь он видел, что некоторая неопрятность в одежде парнишки-свидетеля происходила от того состояния, в котором тот находился. Паренек был выпимши до такой степени, что, оказавшись в полицейском отделении, в тепле, не выдержал и задремал прямо на том стуле, куда его усадили. Потом развалился вольготнее, начал похрапывать, но и это-

го ему показалось недостаточно, и в конце концов парнишка свалился на пол. Все, кто был в это время в отделении, посмотрели на продолжавшего храпеть прямо на полу «свидетеля». Роман считал, что инцидент исчерпан, но полицейским подобное поведение свидетеля, видимо, странным не показалось.

– Он тебя видел.

– Он же пьяный! Мало ли что ему там померещилось. И вообще, на улице темно. Когда хоть этот парень видел убийцу?

Роман не ожидал, что ему ответят, но ответили:

– Где-то минут за двадцать – двадцать пять до твоего задержания.

– Вот, а я провел на набережной не больше десяти минут!

И, воодушевившись, Роман продолжал уже уверенней:

– Допускаю, что паренек мог видеть мужчину, предположу, издавна даже похожего на меня, но это был не я. В это время я еще ехал на машине от своего дома к этой набережной.

– На своей машине ехал? – заинтересовался полицейский. – Может быть, видеорегистратор у тебя был включен?

Пришлось признаться, что машиной воспользовалась жена, а ему понадобились услуги частного.

– Номер машины, на которой тебя подвезли, конечно, ты не запомнил?

– Нет.

– Жаль. Ну а кто-нибудь может подтвердить твоё алиби?
Роман задумался, а потом его осенило:

– Может! Тот человек, который вызвал мою жену на это свидание, он и может! Он мне звонил, вернее, не мне, а Наташе. Она к нему ночью побежала, я в этом уверен. Он звонил ей, а я трубку снял. Ну и услышал, где они встречаются собираются.

Ох, не надо было ему говорить этого. Роман понял по искажившимся лицам полицейских, что он ляпнул большую глупость, которая сыграет против него.

– Так у твоей жены ещё и любовник имелся? И ты знал, что у них свидание намечается. А потом нам ещё впариваешь, что никого не убивал? – усмехнулся один из полицейских и, повернувшись к остальным, распорядился: – Подключаем водолазов. Не только оружие, но и второй труп пусть поищут. Очень может быть, что этот господин сразу двоих шмякнул – и свою жену, и её любовника.

И, не слушая больше возражений Романа, коротко распорядился:

– А его в камеру!

Глава 4

Трупа любовника они не нашли. Да Роман и не сомневался, что не найдут. Кто бы ни застрелил Наташу, этот человек вовремя унес ноги. Но зато на дне Невы почти прямо у самого пирса, где произошла трагедия, водолазы нашли оружие, из которого были сделаны оборвавшие жизнь Наташи выстрелы. Эта информация стала известна уже ближе к следующему вечеру. Всю ночь и весь день Роман провел в заключении, надежда выбраться из которого таяла с каждой минутой. Чем глубже он обдумывал свое положение, тем отчетливей понимал, что шансов у него немного, практически их нет совсем.

И когда ближе к вечеру его вызвали к следователю, а затем прямо перед ним торжественно положили на стол пистолет, извлеченный со дна Невы, он даже не удивился, не испугался, ничего не сказал, а лишь угрюмо смотрел прямо перед собой.

– Узнаете это оружие?

– Нет.

– А между тем, предположительно, из него была убита ваша законная супруга.

Роман пожал плечами.

– Я тут ни при чем. Я не стрелял. Оружие не мое. Как оно там очутилось, я не знаю.

– Мы с коллегами даром времени не теряли, проверили все ваши связи, поговорили с вашими соседями. Так вот, все они в один голос утверждают, что у вашей покойной супруги был, как бы это помягче выразиться, очень непростой характер. Она вас донимала, вы частенько срывались на нее, кричали, у вас случались ссоры.

– А у кого их не бывает?

– Но трупы жен не у всякого под ногами всплывают.

– Я вам уже говорил, жену мог убить тот же человек, который похитил моего ребенка.

– Фальшивая няня? Вы же говорили, что жена отпустила мальчика с его новой няней?

– Никакая она не няня! Няни так со своими подопечными не обращаются!

К удивлению Романа, следователь ответил ему дружелюбным голосом:

– Я это к тому говорю, что стрелявший в вашу жену человек был мужчина. Понимаете, мужчина, а не женщина.

– Значит, у нее был сообщник.

– У этой Валькирии Анатольевны?

– Да. Вы ее нашли?

Следователь покачал головой.

– Это будет не так-то просто сделать.

– Женщин с подобным именем в городе не так-то много.

– А кто вам сказал, что она представилась своим именем?

– Все равно, вы должны проверить всех Валькирий, каких

сумеете найти.

– Мои люди проверили. Женщин, записанных под таким именем официально, в нашем городе не числится.

– А?..

– И по области не числится, – не дал ему и рта открыть следователь. – Есть одна Валькирия, живет в городе Петро-заводске, но ей от роду всего двенадцать лет.

– Тогда не подходит. Валькирия, которую пригласила моя жена, была гораздо старше.

– Правда, есть эстрадная певичка Валькирия, выглядит на двадцать пять – двадцать семь, но кто их знает этих, кто на сцене дергается. Может быть, в реальной жизни ей как раз все пятьдесят.

– А вы проверьте эту особу!

Роман, как всякий утопающий, был готов цепляться за любую соломинку.

– Проверьте, а вдруг...

– На прошлой неделе артистка вместе со своим коллективом выехала на гастроли. Вернется не раньше ноября.

– Если она на гастролях, тогда это не она.

– И еще проблема... – пожевал губами следователь. – Понимаете... Мы не знаем точно, существует ли та няня, о которой вы нам говорите, и что она увезла вашего ребенка.

– Няню видели наши знакомые. Женщина с маленькой девочкой. Девочку зовут Анечка или Алечка. А женщину... женщину не знаю, как зовут. Она такая... в серой куртке,

джинсах, девочка в пестрой курточке. Они гуляют на тех же площадках, что и мы с Михасиком. Так что часто пересекаемся. Жена лучше их знала, а я так... шапочное знакомство.

И, понимая, что говорит бессвязно и невыразительно, Роман замешкался, а потом закончил:

– Раскланивались, но близких бесед между собой не вели.

Как ни странно, после этого рассказа следователь проявил по отношению к нему нечто похожее на участие. Вообще, следователь Роману даже нравился. У него было усталое лицо человека, который привык много работать и делать свою работу хорошо. Глаза у него тоже были умные, а с умным человеком, известное дело, всегда легче договориться, нежели с дураком. И фамилия у следателя была хорошая – Милорадов.

– Допустим, мы даже найдем эту женщину и эту девочку, то ли Анечку, то ли Алечку. Но что это нам даст? Допустим, была какая-то женщина, которая увезла вашего сына. Опять же, говорю, допустим, она была связана с убийцей вашей жены. Но где гарантии, что убийца этот не вы? И не вы наняли эту Валькирию Анатольевну, чтобы она еще раньше увезла вашего сына и спрятала бы в надежном месте.

Роман пожал плечами.

– А какой мне смысл воровать собственного ребенка?

– Как знать, какой, – хмыкнул следователь. – Знаете, дети ведь тоже разные теперь бывают. Было у меня одно дело, так там несовершеннолетний ребенок, правда, девочка и по-

старше вашего малыша на три года, являлась наследницей такого кругленького состояния, что хватило бы и на три десятка взрослых людей. От деда по материнской линии ей досталось. С матерью девочки, с дочерью со своей, этот старик в ссоре был, вот ей ничего и не оставил, а оставил в обход нее внучке.

— Ну оставил и что? — спросил Роман. — Мать ведь все равно могла распоряжаться этими деньгами? Хотя бы до совершеннолетия девочки? Да и потом дочка бы мать не обидела, выделила бы ей долю.

— Может, выделила, а может, что и нет. Как я уже говорил, дети разные встречаются. Вот был у меня один случай... Но это к делу не относится. Мы про девочку говорили и ее деда. Крохе этих денег и за всю ее жизнь не прожить. Это все вокруг понимали.

— И что там случилось?

— Да вот тоже похитили девочку. Сначала мы думали, что ради выкупа похитили, а оказалось, что родной отец, чтобы состояние дочери самому заграбастать, требовал назначить его опекуном. Ушлый тип. Нигде не работал. Мигом смекнул, как может все деньги заграбастать и не просить у жены копейки. Забрал ребенка и уехал вместе с ним в другой район. А там заявление в суд подал, мол, мать за ребенком не смотрит, кормить не кормит, сама пьет напропалую, а в последнее время еще и колется, а потому жизнь ребенка под присмотром у такой мамы под угрозой. Он же из себя весь

такой положительный, даже с работы уволился, чтобы дочерью заниматься и не позволить горе-мамаше кроху вконец угробить. Вот какие случаи бывают, а вы говорите.

– И что же с тем отцом случилось? – заинтересовался Роман. – Удалось ему отсудить себе деньги?

– Ну, свидетели какие-то нашлись, которые их семью знали и знали, что все у них ровно наоборот было. Выступили в защиту матери, только этот гад все равно продолжал ребенка прятать. А без самого наследника как в наследство вступить? Долго женщина с ним маялась, кажется, пришлось что-то гаду отстегнуть, чтобы он отвязался и ребенка вернул. Еще радовались, что хоть что-то из наследства старика матери с дочерью осталось.

– Это не про наш случай, – покачал головой Роман. – Ни я, ни моя жена не имеем богатых родственников.

– Вы в этом так уверены?

– Абсолютно. У меня родители простые люди. Мама – учительница, а папа – инженер. Всю жизнь проработали честно, а потому нажили совсем немного. Дедушки и бабушки либо уже умерли, либо скромно живут на пенсию. Мы им еще и помогаем, так что ни о каких наследниках и речи быть не может.

– А речь как раз и не про вас. Что у вашей жены за родня?

Голос следователя прозвучал вкрадчиво, и Роман почувствовал некую опасность, исходящую от этой вкрадчивости.

– Родня, – пробормотал он, – ну, у Наташи очень большая

родня.

– Но конкретно... Вы можете кого-нибудь назвать? Кого-нибудь подозрительного или, наоборот, кто мог бы вступить за вас?

Кого же он мог назвать? Тещу? Наташкиного брата? Ее дядю Севу из Хабаровска, у которого на морде было написано, что он жлоб и к тому же еще любитель выпить и подраться? Да они все, как только услышат, что у него приключилась такая история, мигом потребуют его посадить. Во всех их спорах с Наташей эти люди даже не пытались принимать сторону Романа или хотя бы выслушать его. Нет, едва слыша, что Наташа чем-то недовольна и жалуется на мужа, они сразу же становились на ее защиту. Не гнушались пускать в ход и угрозы физической расправы, а с братом Наташки Роман даже однажды подрался. К сожалению, Роман не вышел победителем из той схватки, что дало родне дополнительный стимул для травли. Теперь они понимали, дать им достойной сдачи Роман не может, а значит, можно отрываться на нем в свое удовольствие и ни в чем себя не ограничивать.

Собственно говоря, эта многомесячная травля и побудила Романа записаться в студию рукопашного боя. Наврав Наташке с три короба о дополнительной работе, он начал ходить на тренировки. И, как показал случай, когда он в кафе лихо врезал тому типу, который к нему привязался, Роман неплохо преуспел в своих занятиях.

Вспоминая о том, как он в первый раз подрался так, что-

бы победить, Роман вспомнил и того человека, которого он побил. Что он там говорил? Требовал, чтобы Роман вернул мальчика его законному папаше? А вдруг он имел в виду Михасика? Михасика ведь и впрямь похоже, что похитили. Тут же полезли в голову и мысли о странном появлении Валькирии Анатольевны у них в доме. Накануне ночью говорили о том, чтобы взять няню, и вдруг с утра пораньше, пожалуйста, уже на пороге.

– А ведь Наташа знала эту Валькирию Анатольевну и раньше, – произнес Роман задумчиво. – И больше того, я теперь уверен, она отнюдь не была рада, когда эта баба появилась у нас дома.

Да, может, Наташа и не была рада, но тетку эту не выгнала. А даже совсем наоборот, приветливо ее встретила и оставила на должности няни.

– Я все понял! – воскликнул Роман. – Наташа сама и подстроила похищение Михасика. Это не я его похитил, это она и эта ее знакомая... Валькирия Анатольевна!

– Вы уж определитесь, знакома вам была похитительница вашего мальчика или нет?

– Мне – нет. А вот с моей женой, как я теперь понимаю, они были знакомы. И Валькирия не случайно очутилась у нас, Наташа сама это все и подготовила!

Следователь молчал. Он задумчиво смотрел на задержанного и думал, что дело-то вырисовывается презагадочное. На первый взгляд, казалось бы, все ясно и просто. Муж при-

ревновал свою жену к ее любовнику, выследил неверную, ее застрелил, а любовника то ли припугнул, то ли просто отпустил. Казалось бы, надо определять мужика за решетку. Убийство даже неверной супруги все равно не шуточки. Мало ли кто и кому изменяет, стрелять всех подряд у нас в стране не позволено.

На этом месте следователь кашлянул и слегка покраснел. Была и у него в молодости одна историйка, узнай о ней жена, ох и не поздоровилось бы ему. Убивать, может, и не стала бы, но жизнь превратила бы в полный ад, можно не сомневаться. Но бог миловал, все осталось в тайне. А вот у этого молодого человека судьба сложилась иначе. Он узнал про любовника, узнал место встречи неверной супруги и ее ухажера, оказался там в нужное время, и даже свидетель имеется, который видел, как этот человек или кто-то очень похожий на него стрелял в жертву несколько раз, а потом столкнул ее тело в воду и быстро ушел с места преступления.

И все же что-то мешало поверить следователю в то, что этот молодой мужчина является убийцей. Было что-то в лице подозреваемого хорошее и чистое, что мешало думать о его виновности. Но конечно, следователь не собирался доверять одним лишь чувствам. Это у нервных дамочек всякие там инсинуации и интуиции, а он мужик и привык работать с фактами. А факты говорят, что Роман вполне может быть тем самым убийцей.

Но если убийцей был Роман, застрелил и ушел, тогда за-

чем он вернулся обратно к Неве? Потянуло на место преступления? Так по логике вещей рановато. Раскаяние обычно накрывает не раньше, чем через несколько часов, а то и дней. Тогда зачем вернулся? Что-то забыл на месте преступления? Но что? Сыщики внимательнейшим образом осмотрели все вокруг и ровным счетом ничего примечательного не обнаружили. То есть следов, окурков и прочего мусора там было предостаточно, но все это оказался старый мусор и старые следы. Из свежего был только труп, в голове которого засели три пули. И несколько капель крови на набережной у самого спуска к Неве, предположительно опять же принадлежавших покойной.

Вот эти пули тоже были своеобразной головной болью для самого следователя. Откуда взялись эти пули? Ясно, что выпущены они были из боевого оружия. Получалось, что у этого тихого паренька – бухгалтера, которого со всех сторон со школьной поры окружают одни лишь похвальные грамоты, поощрения и хорошие отметки, откуда-то появились связи, чтобы приобрести огнестрельное оружие. И не в магазине он его купил, а непонятно у кого и как.

А ведь такое нигде не зарегистрированное оружие должно стоить очень дорого, потому что достать его было трудно. И вообще, к чему эта помпа с выстрелами в голову? Мог бы попроще с ней расправиться. Кругом полно подручных средств. К чему тратиться еще и на оружие для неверной жены? Добывать его, где-то хранить и ухаживать, чтобы в нуж-

ный момент не подвело. И все это ради трех эффектных выстрелов в голову? Чистой воды позерство.

А что-что, но на позера этот молодой человек тоже не походил. Одет был аккуратно, но скромно. И ничто в его забитой внешности не вызывало мыслей о столь громком убийстве. Конечно, встречались в жизни следователя такие случаи, когда внешность жестоких убийц была самая что ни на есть заурядная, но всегда было в их поведении что-то потрясающее, дергающее за нерв. А этот молодой человек казался вполне естественным в проявлении своих чувств. Он был напуган, он был озадачен, и еще он очень переживал за свою жену и особенно за своего ребенка.

– По факту исчезновения вашего ребенка будет заведено отдельное дело. Если после проводимой нами проверки выяснится, что ребенок и впрямь похищен, а не живет где-нибудь у бабушки или у тети, то мы возбудим дело о его похищении.

Следователь держался спокойно. Что-то подсказывало ему, что если мать лично знала «няню», приглашенную к ребенку, значит, волноваться особо не о чем. Какая мать пожелает зла собственному дитяти, да еще такому обожаемому, как Михасик? Наверняка между женщинами существовал какой-то тайный сговор. Они хотели обмануть папашу, зачем и с какой целью, разбираться нужно, но это не срочно. Ясно, что ребенку ничего не угрожает. Если бы это было не так, то мать не отдала бы сына своей знакомой. Она ей

доверяла, это факт. Доверяла настолько, что доверила самое дорогое, что имела.

Все опрошенные оперативниками соседи по дому потерпевшей в один голос отзывались о покойной как об очень хорошей и заботливой до трепетности мамаше.

– Ребенка своего она боготворила. Дрожала над ним, словно невеста над каким сокровищем. На прогулке его дальше чем на несколько шагов от себя никогда не отпускала. Чуть что, сразу же за ним мчалась, Михасик, не упади! Михасик, эту бяку не трогай! Михасик, туда не лезь, это опасно!

– Она всегда звала сына именно Михасиком?

– Да.

– А ссоры у родителей ребенка между собой случались?

– Случались, наверное, как же без них? В любой, даже самой лучшей семье бывают разногласия.

– Но громких скандалов, особенно с угрозами, слышно не было?

Этот вопрос был адресован ближайшей соседке потерпевшей, которая жила через стену и с которой убитая женщина поддерживала дружеские отношения.

– Так были со стороны мужа угрозы в адрес жены?

Соседка покачала головой. Нет, громких ссор или угроз в адрес жены она от Романа не слышала. Роман с Наташей частенько ссорились, это соседка не отрицала, но чтобы у них дело доходило до драки или чего-то подобного, такого не наблюдалось. Роман всегда пытался сгладить ситуацию, и

частенько это ему удавалось.

– Может быть, замечали какие-нибудь странности в поведении отца ребенка?

– Странной можно было бы назвать мать – Наташу.

– Почему ее?

– Ну, знаете, я и сама мать, у меня двое детей, правда, взрослые они уже. Но когда они были маленькие, я не припомню, чтобы я так их баловала или так с ними носилась. Михасику же было разрешено буквально все, разумеется, если это не угрожало, по мнению матери, его безопасности. Тут уж она стояла жестко. Но если она считала, что угрозы нет, то ребенок получал что хотел и по первому же звонку.

– А Роман?

– Тот нет. И все ссоры, что были у Романа с Наташей, случались из-за разного подхода к воспитанию ребенка. Но так как Роман много работал, то больше всего времени Михасик проводил с мамой. Ну и она его воспитывала по-своему.

Следователь и сам видел, что не такая уж большая квартира молодой семьи казалась еще меньше из-за обилия всевозможных игрушек. Только электромобилей было три штуки. Огромный черный джип, стремительный «Мазератти» и красная пожарная машина. Они занимали собой все свободное пространство коридора, так что пройти можно было с большим трудом, лавируя и держась за стену.

Увидев, как оперативники входят в квартиру Романа и Наташи, соседка насторожилась:

– А что случилось? Где Роман? Где Наташа с ребенком?

Оперативники пробовали отмолчаться, но потом решили, что все равно женщина рано или поздно узнает правду, и рассказали, что Романа подозревают в убийстве жены, случившемся вчера вечером. А их ребенок куда-то пропал, по словам отца, еще днем его увезла некая няня, нанятая его женой. Так это или нет, предстоит выяснить следствию.

После этого соседка тихо ушла к себе в квартиру, явно пораженная до глубины души услышанным. Но напрасно оперативники думали, что женщина теперь от них отстанет и что полученной информации ей хватит с избытком. Когда полицейские закончили осмотр квартиры и вышли на лестничную клетку, то первой, кого они увидели, была эта женщина.

Она выглядела взволнованной и сразу же подошла к оперативникам:

– Мне нужно вам кое-что сказать. Насчет этой няни... Она и правда была, Роман вас не обманывает. Я видела эту женщину. И Наташа мне сказала, что это их новая няня.

– Можете ее описать?

– Могу. Выше меня примерно на полголовы, а во мне и так метр семьдесят, так что эта женщина еще выше. Лет пятидесяти пяти. Нос длинный. На голове носит каштановый парик. Одета была в длинное темно-синее пальто и черные сапоги на высокой платформе и с каблуком. Да, еще длинный тоже синий шерстяной шарф, но немного более светлого

оттенка. Такая вот дамочка. Когда я услышала, что это няня для Михасика, честно говоря, я была удивлена.

– Почему?

– Ну, знаете... Вот у вас самого дети есть?

Оперативник опешил от такого вопроса, но потом кивнул.

– Пацан. Три месяца.

– Тогда вы не поймете.

– Чего я не пойму?

– В три месяца ребенка еще исключительно в коляске прогуливают. Особых хлопот нет. Разве что спустить и поднять коляску, но у нас лифт, а внизу рядом со ступеньками сделан специальный спуск. Так что будь Михасик по возрасту как ваш малыш, то я бы не удивилась. Но Михасик для своих лет рос очень резвым и, я бы сказала, непоседливым пареньком, так что угнаться за ним на улице – это еще надо было постараться. Коляску Наташа на прогулку еще брала, но больше по инерции. Сидеть долго в коляске Михасик не желал. И все-то ему было нужно исследовать, всюду свой нос сунуть. Мать он совершенно не слушался, отца чуток уважал, но тоже особенно его командам не подчинялся. И особенно плохо Михасик себя вел, когда рядом с ним была его мать. Еще есть у него тетя – сестра отца, ту он, по слухам, немного побаивался. Но с матерью мальчик совершенно не церемонился, и ухом не вел, когда она ему говорила, чтобы он куда-то там не ходил или что-то там не делал. Лез куда хотел, хоть на трубу, хоть на дерево, хоть вообще прочь с площадки убе-

гал. А для своих лет бегают он очень быстро. Наташа обычно гуляла с ним в спортивной куртке и спортивной же обуви, иначе Михасика ей было просто не догнать.

— Кажется, я понимаю, о чем вы говорите.

— А эта няня разоделась, словно на парад. Красивое, но совершенно неудобное для быстрых движений пальто, сапоги, в которых можно только по ровной поверхности гарцевать, а по ямкам и газонам нечего даже и думать. И еще этот шарф длинный... Я Наташе так и сказала, что няня оделась неправильно. Как минимум ей нужно сменить хотя бы обувь.

— Полагаю, вас поблагодарили за совет?

— Поблагодарили? Как бы не так! Эта фифа повернулась ко мне и посоветовала заниматься своими делами, а она, дескать, займется своими. И всем так будет лучше.

После полученной отповеди соседке не оставалось ничего другого, кроме как спрятаться за свою дверь. Но это отнюдь не означало, что она занялась своими делами. Почему? А вот почему.

Соседкой Наташи оказалась далеко не простая домохозяйка и скромная мать семейства, какой она казалась всем окружающим. Да, сейчас ее положение стало таковым, но когда-то все было по-другому. Раньше Мариша с успехом распутывала криминальные истории, в которые попадали ее близкие. Но потом она вышла замуж, родился сначала один ребенок, потом второй, и Мариша целиком растворилась в семейных хлопотах. И иногда она даже думала, что все ее

расследования и приключения остались лишь в прошлом.

Но с тех пор, как ее дети подросли и стали относительно самостоятельными, в жизни женщины, которую все близкие звали просто Маришей, наступило затишье, которое она сама считала откровенной скукой. Старший сын учился в девятом классе и был настолько же независимым, как и его отец, которого Мариша не видела уже два месяца. Нет, муж их не бросил, ничего такого. Просто он у Мариши был летчиком, а в последние годы переквалифицировался на полярную авиацию и теперь не появлялся дома порой очень подолгу. Дочь была в шестом классе, еще тянулась к матери, но и у нее были свои дела, кружки, занятия и подружки, которые отнюдь не приветствовали появление Мариши в своей компании. Нет, девочки держались с ней вежливо, но она была для них взрослой, существом из другого мира, их собственному девчачьему миру чуточку враждебного.

Из школы дети возвращались не раньше трех, мгновенно заглатывали обед и сразу же либо уносились на занятия во всевозможные студии, либо расходились по своим комнатам и занимались своими делами. Так что забота Мариши о них теперь сводилась к приготовлению трехразового питания да изредка сладкой выпечки. Дети учились хорошо, присмотра в приготовлении уроков не требовали, да и вообще как могли старались оградить себя от забот матери.

Может, если бы Мариша работала, то она бы только радовалась тому, какие золотые у нее детки. Но Мариша бы-

ла домохозяйкой, как-то не сложилось у нее с профессиональной деятельностью. И, конечно, Мариша скучала. Ее деятельная натура, привыкшая к большим дозам впечатлений, теперь хирела и тихо покрывалась плесенью в сугубо домашней обстановке. Мариша с удовольствием пошла бы работать, да муж, услышав, что она затевает, устроил ей нагоняй и велел сидеть с детьми. На возражения жены, что ей это скучно, заявил, что очень скоро ей предстоит обзавестись внуками, тогда и повеселится.

Слова мужа о внуках совпали с рождением у соседки ребенка. Как-то Мариша помогла ей подержать дверь, когда Наташа тащила в дом коляску, потом предложила достать ребенка из переноски, а коляску помогала закатить сама, потом дала пару-тройку советов, потом зашла показать, как легко и просто приготовить из небольшого набора овощей пюре для малыша, совсем не обязательно тратить бешеные деньги на крошечные стеклянные баночки, в которых еще неизвестно что и положено.

– Пишут, что без крахмала и консервантов, может, оно так и есть, может, даже овощи без нитратов выращены, но все равно ты сама-то попробуй месяцами на одних консервах сидеть. Небось мигом взвоешь. Захочется и супчику свеженького, и пюрешки, и фрикаделек.

С помощью Мариши молодая мать без особого труда освоила приготовление яблочного пюре в блендере, овощного пюре, мясного супа и еще множества различных диетиче-

ских и полезных блюд из детской кухни. Запеканку или паровые котлеты Михасик ел плохо, давился и выплевывал, но вот жидкую пищу иногда удавалось в него запихнуть. Благодаря таким визитам Мариши к соседям постепенно они подружились. Иногда Наташа, убегая по делам, просила отзывчивую соседку посидеть с Михасиком. Так что в этой семье Мариша, можно сказать, была за свою. И потому, увидев прошлым утром в дверях квартиры няню в элегантном, но совершенно не подходящем для возни с ребенком пальто, она так и удивилась.

Еще вчера Наташа ни про какую няню и не заикалась, а тут вдруг, пожалуйста, няня. И зачем няня? Наташа и сама отлично справлялась с заботами о Михасике. Более того, Наташа была до такой степени привязана к мальчику, что эти заботы и заботами-то не считала, они ей были в радость. Наташа совсем не была похожа на тех женщин-кукушек, которые стремятся отдать ребенка в чужие руки, а сами потом развлекаются с подружками. Жизнь Наташи была сосредоточена на сыне. Она в нем души не чаяла, каждое проведенное рядом с ним мгновение казалось ей великим счастьем. И вдруг выясняется, что у Михасика появляется няня, да еще и Мариша про эту няню совсем не в курсе.

Конечно, стерпеть такое женщина просто не могла. И когда противная баба велела ей убираться к себе, Мариша скрылась за дверью своей квартиры, но далеко от нее не ушла и потому отлично услышала весь разговор Наташи с няней.

– Пожалуйста, следи, чтобы он сегодня в обед обязательно поел. Ну, хотя бы суп. Второе он не очень охотно кушает, но овощной суп любит. Я тебе тут написала, как нужно его готовить, справишься?

– Да не волнуйся ты так, Наташка.

– Нос ему проверяй, мне кажется, у него насморк начинается. Капли я вам тоже положила.

– Все будет в порядке.

– Когда придете, обязательно вымойте руки. И следи, чтобы Михасик не обжегся горячей водой. У него очень чувствительная кожица на пальчиках.

– Слушай, это же просто ребенок, что тут сложного?

Чувствовалось, что няню уже начинает раздражать до-тошность Наташи.

Но та все не успокаивалась:

– И следи, чтобы в машине его не укачало.

– Эй, так мы не договаривались. А если он мне салон испортит?

– Ехать недалеко, и к тому же я дала ему таблетку от укачивания, вряд ли могут быть проблемы.

– Тогда зачем говоришь?

– Если заметишь, что он вертится, то дай ему пососать сушку. Вот я тут положила в контейнер несколько его любимых.

– Ты все слишком усложняешь. К чему столько инструкций?

Но Наташа не успокаивалась, и пока няня с Михасиком стояли у лифта, успела дать рекомендации, как укладывать мальчика спать, как сажать на горшок, как уговорить надеть подгузник, которые Михасик совсем не любил и надевать на себя категорически запрещал.

— Так что, как только доедете до места, сразу же снимите подгузник.

— А если он потом в штаны наделает?

— Тогда его надо переодеть. Но он не наделает. Ты, главное, на горшок его почаще сажай. Сам горшок я тебе положила.

— Фу! Разве на унитаз он не может сходить?

— Он еще не умеет. На всякий случай я положила три комплекта сменных трусиков, колготок и штанишек. Думаю, что до вечера этого хватит.

Пришел лифт, и все стали прощаться. Наташа целовала ребенка так, словно они виделись в последний раз. Возможно, сердце ее что-то такое чувствовало, потому что ласки ее были особенно бурными. Михасик раскапризничался, он не желал уходить от мамы, цеплялся за нее изо всех сил, так что расстались они в слезах. Рыдающего Михасика увезла на лифте няня, а рыдающая Наташа вернулась к себе в квартиру.

Мариша, которая слышала все через дверь, только изумлялась. Даже она не оставила бы своих детей, если бы они рыдали так, как Михасик. А она куда ровней относилась к

ним, когда они были маленькие. Почему же Наташа допустила, чтобы ее ребенок получил такой стресс, хотя обычно старалась избежать даже крохотной его слезинки? Какая такая особая необходимость была сразу же отправлять ребенка с явно незнакомой ему тетей на улицу? Могли бы на первый день ограничиться играми с няней в присутствии мамы и развлечениями в знакомой Михасику обстановке.

Оперативников во всем этом заинтересовали несколько обстоятельств:

- Говорите, они ушли еще утром?
- Было около одиннадцати часов.
- И мать дала ребенку с собой вещи?
- Да, няня тащила большую сумку. Думаю, что там были и вещи, и еда, и тот же горшок.
- И она планировала, что ребенок останется с няней до вечера?
- Я так слышала.
- А машину, на которой эта женщина увезла ребенка, вы не видели?

К сожалению, этого Мариша не видела. Окна ее квартиры не позволяли провести наблюдение за няней и Михасиком, а то бы она, конечно, понаблюдала.

После того как Михасика увезла няня, Мариша обижалась недолго. Уже через несколько минут она подошла к дверям соседки, но на ее звонок никто не ответил. Наташа была в квартире, уйти она попросту никуда бы не успела. Но откры-

вать дверь она не стала и даже не спросила, кто там. А ведь это могла быть вернувшаяся няня с малышом, мало ли что у них пошло не так во время первой совместной поездки? Они могли вернуться назад, но мать даже не пожелала открыть им дверь. В чем же дело?

Прислушавшись, Мариша заметила, что через дверь доносятся приглушенные рыдания. Похоже, Наташа тяжело переживала разлуку с сыном. Но стоило ли так плакать, если они расставались ненадолго? И вообще, чем так страдать, может, и не надо было приглашать постороннюю няню?

Вся эта сцена оставила в душе у Мариши тяжелый осадок. Весь день и вечер она боролась со своим желанием снова пойти к соседям и убедиться, что у них все в порядке. Мешало лишь оскорбленное самолюбие. Ночь она провела беспокойную. Утром встала рано, под предлогом того, что ей нужно приготовить завтрак для детей, и караулила уход Романа на работу, чтобы спросить хотя бы у него, как дела с новой няней.

Романа она не увидела. А когда, проводив сына с дочерью в школу, Мариша позвонила в соседскую дверь, ей снова никто не ответил. Но на сей раз в квартире было очень тихо, и отчего-то от этой тишины у Мариши защемило сердце.

Так что, когда чуть позже пожаловали оперативники, Мариша даже не слишком удивилась их приходу. Она честно рассказала все, что знала сама. А когда полицейские ушли, присела за кухонный стол и, поглаживая руками гладкое де-

рево столешницы, задумалась. И так, молодая женщина, которую она хорошо знала, убита. Ее ребенок исчез. Полицейские не стали скрывать от Мариши, что в убийстве Наташи они подозревают ее мужа, который ими задержан непосредственно на месте преступления и сейчас находится под арестом.

Может, полицейским и проще было сразу задержать подозрительного супруга, но Марише как-то слабо верилось в то, что Роман мог совершить подобное злодеяние. Она общалась и с ним, и с Наташей и видела, что если кто в этой семье и жертва, то это именно Роман. Свою жену он любил или, во всяком случае, старался во всем ей угодить, хотя для того, чтобы заставить Наташу просто улыбнуться, надо было изрядно попотеть. Мягкая и добрая с окружающими, нежная и сверхзаботливая со своим ребенком, но ей словно бы доставляло какое-то особое изощренное удовольствие мучить и заставлять страдать мужчину, которого сама же выбрала себе в мужа. Она, кажется, за что-то его постоянно наказывала. Но за что? Роман вел себя безупречно. Сама для себя Мариша лучшего мужа бы и не пожелала. Впрочем, возможно, он стал таким именно потому, что Наташа его ела поедом?

Да, Роману доставалось от жены на орехи, и все же Мариша не верила в то, что он мог решиться на убийство. К чему убивать, если он мог просто уйти из семьи? Легко и просто. Квартира, в которой они жили, принадлежала Наташе. У Романа была собственная квартира, куда он в любой момент

мог слинять. И если он этого не делал, значит, ему совсем не хотелось терять Наташу. Тогда при чем тут убийство?

– Нет, тут что-то не сходится.

Любопытство Мариши разгорелось до такой степени, что она даже почувствовала знакомое покалывание в пятой точке. Это покалывание обычно предшествовало очередной аванюре, в которую предстояло влезть Марише. Давненько же она его не ощущала! И, словно старому знакомому, Мариша обрадовалась этому чувству чрезвычайно.

Глава 5

Внезапно мысли Мариши были прерваны каким-то звуком, раздавшимся за стеной. Она насторожилась. За стеной была квартира Наташи с Романом. Но если одна была мертва, а второй обвинялся в ее убийстве и был задержан, тогда кто там мог быть сейчас?

В надежде, что это отпустили арестованного, Мариша выскочила за дверь. Но вместо Романа она увидела огромную бабищу – мать Наташи. Женщина волокла в руках огромную плазменную панель, которая висела у ребят в спальне. За женщиной следовал ее супруг, недостаток роста последний компенсировал шириной своих плеч и общей коренастостью. У него в руках была коробка с набором кухонной посуды.

Мариша была немного знакома с матерью Наташи, которую тоже звали Мариной, что сразу же расположило эту женщину в пользу соседки своей дочери. Так что, увидев ее сейчас, она по-приятельски кивнула. И, прислонив тяжелую плазму к стене возле лифта, она вытерла тыльной стороной руки лоб и произнесла:

- Ты уже слышала, что Ромка учудил?
- Если вы про убийство, то да.
- А про что же еще? Я как сегодня у следователя побывала, так сразу сюда рванула. Вещи спасать.

– Вещи?

– А ты как думала? Уже телефона недосчитались. Где он?

– Телефонный аппарат полицейские забрали, вроде бы я у них его видела.

– Ну все! – расстроилась женщина. – У этих вовек ничего назад не выбьешь. Обидно. Телефончик-то навороченный был, и с автоответчиком, и с функцией определения номера, и еще черта в ступе там было, мы бы и сами с отцом таким не отказались бы пользоваться. Наташка всегда себя ценить умела, все только самое лучшее и потому дорогое покупала, импортное. Обидно, если все это пропадет.

– Почему вещи должны пропасть? Ну телефон взяли полицейские, но остальное-то?

– Так ты мозгами-то пораскинь, – посоветовала ей Марина. – Квартира в ипотеке, то есть в залоге у банка. Наташка убита, Ромка в тюрьме. Кто проценты по кредиту платить станет? Я? Или отец? У нас таких денег нет. А коли нет денег, значит, рано или поздно банк квартиру опишет. Вот я и решила – квартиру не спасти, пусть. Так хоть вещи сохраним. Мишка подрастет, ему передадим.

И, утерев с лица то ли пот, то ли слезы, женщина осведомилась у Мариши:

– Кстати, мальчишка-то где? У тебя?

– Нет. Мне Михасика никто не оставлял.

– Новое дело, – выпрямилась Марина во весь свой богатырский рост. – Где же пацан-то? Следователь сказал, что

мать его няне отдала, я думала, что тебе.

– Увы, не мне.

– Может, у кого из соседей он?

– Нет. Наташа отдала Михасика няне, а та его увезла.

Марина повернулась к мужу, все еще стоящему у нее за спиной с огромной коробкой в руках.

– Слышишь, отец, Мишка у нас пропал. Да поставь ты кастрюли уже!

Мужчина опустил коробку, но неуклюже, кастрюли звякнули. Это вызвало новый взрыв негодования у его жены:

– Осторожней, горе ты мое луковое! Ничего тебе доверять нельзя! Кастрюли и те умудришься поломать.

И, снова повернувшись к Марише, спросила у нее:

– Чего за няня хоть? Какая она из себя?

Мариша описала. И круглое полное лицо Марины исказилось от недоумения.

– Не знаю такой бабы. Длинная, носастая и в парике? Нету такой среди наших.

Теперь пришел черед удивляться уже Марише.

– Я была уверена, что эта женщина какая-то близкая знакомая Наташи. Они разговаривали между собой так, словно сто лет дружны. Но по возрасту женщина в подруги молодой женщине не годилась, вот я и подумала, что, вероятно, это какая-то ваша родственница.

– Может, со стороны Ромки родня? Хотя чего бы Наташке к Ромкиным родакам соваться, могла бы и у меня попросить.

Мариша тоже считала, что к родне своего мужа Наташа стала бы обращаться разве что в самом крайнем случае. Сестру его она терпеть не могла. К родителям относилась ровнее, но все равно прохладно.

– Попросила бы у меня Наташка помощи, разве бы я ей отказала?

И, решив, что обсуждение на этом закончено, Марина отвернулась от соседки и снова скомандовала своему мужу:

– Пошли, там еще полно вещей приготовлено.

Когда они повернулись, чтобы идти назад, Мариша их остановила:

– Погодите, а что же с Михасиком-то будет?

– А что? Раз Наташка его той бабе отдала, значит, доверяла ей. Ничего, ребенок не холодильник, небось, вернут.

– И то верно, – поддержал жену супруг. – Кому такой избалованный пацан нужен?

И парочка вновь принялась деловито таскать приготовленные для транспортировки вещи из квартиры Наташи к лифту. Какое-то время Мариша наблюдала за тем, как из соседских дверей по очереди появились свернутый ковер, часы, аэрогриль и кухонный комбайн. Но когда они выкатили детский велосипедик, а следом и кроватку, ей стало противно, и она ушла.

– Ну что за люди? – ворчала Мариша. – У них внук, может быть, пропал, а они барахлом озабочены. Велосипед спасают, а между тем самого мальчишку спасти надо. Что им этот

велосипед? Зачем он им без внука-то?

Между тем время шло, и ликвидация обстановки в квартире подходила к концу. Супруги принялись загружать вещи в лифт, и Мариша снова не выдержала, выглянула.

Увидев ее, Марина сказала:

– Сейчас за мебелью машина придет. Ты уж, будь так добра, пригляди в квартире. Все ценное мы оттуда забрали, только мебель осталась. Так что ты не волнуйся, брать там нечего.

Мариша согласилась. Она вошла в квартиру и прямо опешила. Что тут было? Тайфун? Ураган? Марина не шутила, когда сказала, что они выгребли все более или менее ценное. Даже аквариум с рыбками утащили с собой. Даже цветочные керамические кашпо были изъяты вместе с цветущими орхидеями – гордостью Наташи.

Оказавшись в опустевшей квартире, Мариша взгрустнула. Сейчас и мебель заберут грузчики, останутся голые стены. Может быть, родители Наташи действуют и правильно, но отчего-то на душе от их поспешности становится гадко. У них погибла дочь, пропал внук. А они заняты тем, что спасают имущество от возможных претензий банка.

Мариша прошлась по комнатам. Интересно, выходит, квартира у молодых была взята в ипотеку. А она об этом даже не догадывалась. Наташа никогда не упоминала о том, что им приходится платить по кредиту. Впрочем, Наташа вообще как-то мало задумывалась о том, откуда берутся деньги.

Она их просто тратила, а когда деньги заканчивались, обращалась к Роману за дополнительными суммами. Впрочем, машина у молодых была также взята в кредит. Это Мариша знала, потому что машина покупалась уже в тот момент, когда Михасик появился на свет и они с соседями довольно плотно контактировали.

Интересно, как же Роман тянул на себе два кредита, да еще и жену с маленьким ребенком?

А ведь у Михасика всегда было все только самое лучшее и, как водится, самое дорогое. Квартира буквально ломилась от игрушек. В магазине Наташа выбирала самые лучшие овощи и фрукты, дорогие сыры, мясо, а зелень и молоко она покупала только на рынке. И впервые Мариша задумалась над тем, а каким образом Роману удавалось покрывать все эти расходы и еще оставлять что-то для себя? Вряд ли ему это было легко сделать.

Мариша снова обошла квартиру, потом присела на стул, еще стоящий на своем месте, и внезапно ее внимание привлек маленький прямоугольник, забившийся под ножку стола. Она наклонилась и потянула твердый кусочек картона на себя. Это была визитка некоего господина Самсонова, адвоката по профессии, представляющего адвокатскую контору «Самсон и другие». Визитка была совсем новенькая, Марише даже показалось, что от нее пахнет типографской краской, но это была, конечно же, иллюзия. На визитке имелся написанный от руки номер телефона, надо полагать, того

самого господина Самсонова. Возвращать визитку на место показалось Марише глупым. Просто бросить на пол рука не поднималась пачкать чужой пол. И Мариша, хотя картонка была ей не нужна, сунула визитку к себе в карман, чтобы потом где-нибудь выбросить ее в мусор.

Она продолжила инспекцию квартиры. Впрочем, инспектировать тут было, как уже говорилось, особенно нечего. Родители Наташи постарались обчистить комнаты буквально до голых стен. И все же кое-что Марише удалось найти. Этот предмет дожидался ее в ванной. Сюда родители Наташи не заглянули, должно быть, потому, что стиралка стояла в кухне, а выдирать умывальник или снимать унитаз даже этим хозяйственным гражданам было неловко. Так что ванная комната осталась в неприкосновенности. И вот теперь Мариша с интересом взяла в руки свою находку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.